

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

КОРОЛЬ ЭНЦІО.

Историческая драма въ трехъ дѣствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, передѣланная съ
Имецкаго Владимиръ Зотовымъ.

Представлена въ первый разъ, на Александринскомъ Театрѣ, 21 Сентября
1842, въ пользу актера Г. Толченова 1-го.

ОТДѢЛЕНІЕ I. ПАЖЪ И ПЛѢННИКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ II. МОГИЛЬЩИКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ III. ЛОКОПЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. ГРОБЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ V. ТЮРЬМА И КОРОПА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Энціо, Король Сардиніи, въ плѣву у Болонцевъ.

Угоне, Подеста Болоніи.

Люція де Віджолли.

Рейверо Гонфалоньери } плѣнные Сардинцы.

Шетро д'Аринелли. }

Филлино, смотритель надъ могильщиками.

Гальотти д'Арецио, военачальникъ въ войскѣ
Конрада IV, Римско-Германскаго Императора.

Маттео, начальникъ стражи.

Ламберто, тюремщикъ.

1 { могильщики.

2 { часовые.

Члены Болонскаго Совета, могильщики, стра-
жа, Болонскіе и Сардинскіе воины.

Дѣйствіе происходитъ въ Болоніи, въ 1254 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПАЖЬ И ПЛѢННИКЪ.

Комната по дворцу Энцио, въ Болоніи. Направо дверь въ спальню короля. Столъ и кресла.

ВЫХОДЪ I.

РЕЙНЕРО (у дверей спальни), ПІЕТРО и
ЛЮЦІЯ (входят; Люція съ мужскомъ
платьемъ).

ПІЕТРО.

Король проснулся?

РЕЙНЕРО.

Да:

ПІЕТРО.

Чѣмъ завякъ онъ?

Что дѣлаетъ?

РЕЙНЕРО.

Онъ поутраивъ всегда,
Какъ жемчужина, баллады сочиняетъ,
Но скоро выйдетъ. Если хочешь ты
Я доложу.

ЛЮЦІЯ.

Къ чему его тревожить!
Когда вѣнецъ мечтою уплываетъ
Въ далекую, прекрасную страну —
Къ чему тогда о нашей былой жизни
И о землѣ ему напоминать?...
Къ тому же, Піетро, очень рада я
Еще себя немного приготовить
Къ свиданью съ Королемъ. Ахъ! противъ воли
Отъ страха замираетъ грудь моя!

РЕЙНЕРО.

Я весь оставлю!

(Уходитъ.)

ЛЮЦІЯ.

Піетро, я робюю!

Чѣмъ ближе часъ, когда я съ королемъ
Упавшимъ должна, тѣмъ больше гаснетъ
И бодрость и рѣшимость въ бѣдномъ сердцѣ.

ПІЕТРО.

Ты знаешь, твой поступокъ никогда
Не одобрялъ я. Мы пернутъся можемъ!

ЛЮЦІЯ.

О! ну за что! Меня ты знаешь, Піетро!
Я Италиянка! сердце у меня
Надъ головою вверхъ всегда беретъ.
Поступокъ мой, быть можетъ, необдуманъ,
Но твердо на него рѣшилась я!
Ты поминишь ли, когда я въ первый разъ
Увидѣла, какъ Энцио прагнъ,
Горясь побѣдой, съ торжествомъ въ нашъ городъ
Вскли въ триумфъ. Цѣпью золотой
Онъ скованъ былъ; по площади толпою
Несивтвую кипѣлъ народъ кругомъ,
Но не онъ казался рабомъ.
А Энцио, окованный цѣпями —
И пѣвныи былъ все тѣмъ же королемъ!
Хоть на немъ корона не блистала,
Медовою все предъ нимъ главу склоняло,
А на челѣ пеллчія печать —
И безъ вѣнца могъ ислкій прочитать.
Онъ безоруженъ былъ, но взоровъ сила
Ему сердце такъ много покорила;
Его глаза, горячіе въ огнѣ,
Какъ острый мечъ пронзили сердце мнѣ!
Ты знаешь все: его я полюбила,
Хоть нашъ судьба надолго разлучила,
Хоть цѣлый годъ должна была страдать
И далеко отсюда, видя мать
Въ борьбѣ съ недугомъ тяжкимъ; близъ костелу
Больной и дни и мѣсяцы летѣла,
И близъ нее о немъ забыла я.
Но... страшный часъ! угасла мать моя
Въ объятіяхъ монахи!.. И одинокой
Я жизнь села въ тоскѣ моей глубокой,
Я плакала, и въ этотъ грустный часъ
Любовь опять въ душѣ моей зажглась!..

ПІЕТРО.

И ты за тѣмъ въ Болонью воротилась,
Чтобы его увидѣть?

Люция.

Эта мысль

Одна душой моей владела:
Жить близъ него, жизнь бедной сироты
Несчастному Вадимъ посвятить;
Заботамъ, любовью, попеченьемъ
Часы неволи горькой усладить —
И это ужъ блаженство — о другомъ же
Не смѣю я и помышлять!...

Пьетро.

Но если

Державный пльзникъ поль узнаеть твой?

Люция.

Я видѣла лишь разъ его, а онъ
Въ толпѣ меня навѣрно не замѣтилъ.
Къ мужскому платью я давно привыкла,
Оно въ войнахъ междуусобныхъ нашихъ
Не разъ защитой было мнѣ. Но если бь
Король узналъ... Изъ верныхъ слугъ его
Мы здѣсь одни — мнѣ нечего бояться
Людской молвы — я безопасна здѣсь.
Король великодушенъ, благороденъ —
А я себя заставлю уважать!

Пьетро.

Но сердце, сердце, Люция! ты слѣпкомъ
Надѣшся, быть можетъ, на него,
Оно тебѣ помѣнитъ!

Люция.

Пьетро! развѣ

Любовь и честь не могутъ вмѣстѣ быть?

Пьетро.

Все такъ — но я боюсь!

Люция.

Я тоже, Пьетро!

Но я судьбѣ и серану покоряюсь,
И цель моя чиста передъ людьми!

ВЫХОДЪ 2-й.

Рейнеро, потомъ Энцио.

Рейнеро.

Король идетъ!

Люция.

Король: о Боже! Пьетро!

Я вся дрожу!

Пьетро.

Мужайся! часъ насталъ.

Энцио (входитъ не замечая ихъ.)

И годъ прошелъ! а все надежды нѣтъ!
И Энцио, Сардиніи Король,
Сынъ Фридриха втораго, братъ Конрада,
Последній Гогенштауфеновъ потомокъ,
Въ плѣну томится, въ кѣткѣ золотой,
И жизнь влечить, въ бездѣйствіи позорномъ,
Далеко отъ отчизны!

Рейнеро (подходя къ нему.)

Государь!

Еще не вся потеряна надежда!
Твой братъ прислалъ въ Болонію посла,
Твоей свободы требовать онъ будетъ;
Теперь ужъ собрался советъ Болонскій,
Рѣшенье черезъ часъ произнесеть онъ —
И ты вѣнецъ получишь и свободу!

Энцио.

Напрасна надежда! Я пмѣ страшенъ,
Я былъ всегда Болоніи прагомъ,
Я трепетать не разъ ихъ заставлялъ —
И мнѣ ль они свободу дать рѣшятся?

Рейнеро.

Но въ случаѣ отказа ждешь похва
Кровавая и гибельная ихъ.

Энцио.

Хотя Конрадъ въ Апуліи теперь,
Хотя о плѣнномъ братѣ онъ жалеть,
Но занять онъ тяжелою войною.
Въ Неаполѣ и Капуѣ толпы
Млечакия на короля возстали.
И преня ли ему о братѣ думать?
Просить онъ можетъ о моей свободѣ,
Но требуетъ ее не въ силахъ онъ!
Рейнеро! ты всегда напоминаешь
О томъ, чтобъ долженъ былъ я позабыть,
Чѣмъ быть я могъ бы... Не тревожь меня
Надеждами пустыни, сердца ранъ
Не растравляй, и о моей отчизнѣ,
О поданныхъ моихъ не вспоминай!

(Рейнеро молча кланяется, и отходитъ въ глубину.)

Драматическія произведенія.

ПІЕТРО (подходя.)

Вчера скопчался пажъ твой, Государь!
Уберто Ламбертацци!

Энцио.

Да! со мною

Не разставался онъ ни на минуту.
Онъ Короля такъ пламенно любить,
Онъ пѣвнику усердно такъ служилъ...
Въ послѣднѣе зѣтъ на вѣкъ покинуть свѣтъ!
Уберто! Я причиной этой смерти!
За Короля послѣдовалъ ты въ битву,
Ты близъ него сражался какъ герой,
Ты заслонялъ его своєю грудью,
И пѣте съ нимъ прагани схвачены были!
Онъ — старый дубъ, не разъ переносившій
Грозу и громъ, и молніи удары,
Средь новыхъ бурь остался непредимъ!
А ты, цвѣтокъ роскошный и прекрасный
Съ поля родной Сардиніи, подъ небо
Болоніи судьбой перенесенъ,
Завялъ въ тоскѣ безъ воздуха роднаго,
Безъ климата отеческой земли!
Мои добрый пажъ, мой первый пажъ съ собою
Зачтѣя мѣнъ въ могилу не вѣдалъ ты?

ПІЕТРО.

Онъ усладилъ дни пѣвника заботой.
Судьба его завидна, Государь!

Энцио.

Ты правъ: она завидна — только въ гробѣ!
Какъ весь нашъ домъ преслѣдуетъ мѣнъ
Жестокій рокъ! И съ каждымъ днемъ лишаюсь
Кого нибудь изъ верныхъ слугъ моихъ.
Тяжелый пѣвнъ топчетъ друзей страдальца,
И смерть ихъ мнѣ на сердце тяжкимъ камнемъ,
Упреки гонимыхъ падаютъ. Друг е
Находятъ средство убѣжать отсюда!
И скоро я, лишась всего, на свѣтъ,
Остануся изъ тюремъ моей одинъ!

ПІЕТРО.

На мѣсто бѣднаго Уберто, я
Другаго прискалъ тебѣ пажъ.

Энцио.

Другаго? какъ? И кто нибудь рѣшился
Со мной мой пѣвнъ тяжелый раздѣлить?
О, кто онъ? Это долженъ быть Сардинецъ?

ПІЕТРО.

Болонецъ оя! твоимъ несчастьемъ тронуть,

Хотѣлъ бы онъ служить тебѣ.

Энцио.

Гдѣ онъ?

Его хочу я видѣть.

ПІЕТРО.

Онъ со мною!

Онъ здѣсь!...

(Подводитъ Люцію. Она въ смущеніи
склоняетъ голову. Энцио смотритъ на
нее въ изумленіи, припоминая что-то.)

Энцио.

Какъ? этотъ пажъ?... Творецъ! какое сходство!
Кто ты, прекрасный юноша?... Меня
Ты поразилъ неожиданнымъ появленіемъ!
Ты пѣвнъ мой раздѣлить со мной пришелъ?...
Благодарю!... сто разъ благодарю!

Люція.

О! Государь!... моихъ услугъ ничтожныхъ
Ты не отергнулъ, ты возполнилъ мнѣ
Съ тобой остается!...

(Хочетъ упасть на колѣни.)

Энцио.

Нѣтъ! ко мнѣ на грудь!...

И пѣвнику будь другомъ!...

(Люція въ смущеніи отступаетъ.)

ПІЕТРО.

Государь!

Онъ робокъ! въ первый разъ еще видѣть
Передъ собой земнаго Бога! онъ
Вдали отсюда и въ уединеніи,
Въ тиши воспитанъ; родственникъ мнѣ дальній.
Онъ въ первый разъ въ Болонію прѣхалъ,
И Люцію зовутъ его!

Энцио.

Но, что же

Ему мѣшаетъ подѣлуй приять
И Короля, и друга!

Люція.

Государь!

Такая милость! бѣдный сирота —
Я недостойна этой чести... Вы
Невольному смущенію простите!

Энцио, *(сльдвншій за
каждымъ сло-
вомъ ея.)*

Нѣтъ! я не ошибаюсь! Слыш неба!...
Она!... она! О! я пацарно долженъ
Узнать!... Рейнеро! Пьетро! Удадитесь!
Я говорить хочу наединѣ:
Съ моимъ павсимъ!...

Пьетро.

Но, Государь! съ тобой
Боятся онъ остаться!

Энцио.

Онъ боится?...
Стыдися Пьетро! Энцио когда-то
Враги однь боялись, но п тѣмъ
Король былъ страшенъ, а не бѣдный пльщикъ!
Мы не на полѣ битвы, добрый другъ!
Оставьте насъ!

Пьетро, *(кланяется, и
уходя говоритъ
тихо Люци.)*

Ты этого хотѣла!

(Уходитъ съ Рейнеро.)

Люция.

О Боже!

Энцио *(подходитъ къ
ней и беретъ ее
за руку.)*

Добрый Люцио! Со мною
Ты хочешь жизнь вести? Тебя мнѣ жаль!
Ты молодъ! Свѣта шумныя забавы
Должны тебя невольню привлечь.
Здѣсь не найдешь ты ничего. Съ тобою
Лямъ скуку иожетъ пльщикъ раздѣлнть!

Люция.

Я не ищу забавъ я удовольствій,
Я счастлива буду, если попеченьемъ
Съ чѣла стогою одну морщину горя,
И пвызову улыбку на уста.

Энцио.

Тебя моя темница не пугаетъ?

Люция.

И въ пльщикъ я вижу Короля!

Энцио.

Нѣтъ! пльщикъ онъ! Вдвойню онъ тяжкій пль-
щикъ

Съ тѣхъ поръ, какъ взоръ прекраснато создашь
Любовью окопалъ больное сердце.

А эта цѣнь еще тяжелѣ той,
Которую окованъ я врагами!

Люция.

Какъ, Государь, любовь?

Энцио.

Не постигаю!

Какое чувство заставляетъ сердце
Все высказать тебѣ, хоть въ первый разъ
Тебя сегодня вижу я. Невольню
Довѣренность къ себѣ ты поселилъ
Въ моей душѣ. Невольню застаиваешь
Меня во всемъ признаться! Я тебѣ
Открою то, чего еще доселѣ
Отъ Энцио никто здѣсь не слыжалъ.
И годъ прошель, а этотъ день еще
Я, какъ пчерашний, такъ же живо помню!
Меня влекли въ Болоню, въ цѣняхъ;
Въ душѣ моей отчаянне кнѣло,
И къ низкимъ побѣдителямъ въ глазахъ
Не пеланнсть — презрѣнне горло!
Внизу народъ смотрѣлъ на мой позоръ,
Вверху съ балконовъ гордые вельможи.
Я вверху взглянулъ — и встрѣтилъ чудный
взоръ,

На взоры тѣхъ красавицъ не похожий:
Такъ много было въ немъ огня, души,
Участія, страдавья, сожалѣнья. —
Въ тотъ тяжкій часъ я посылалъ въ тиши
За этотъ взоръ Творцу благодаренье;
Я позабылъ и мой позоръ, и пльня,
И будущность съ тѣмницей и тоскою —
И этотъ взоръ — средь этихъ мрачныхъ стѣнъ
Еще теперь блеститъ передо мною!...
Онъ ни на мигъ меня не покидалъ,
Въ часы тоски мнѣ приносилъ отраду,
Въ дни бѣдствія меня онъ подкрѣплялъ,
За жизнь мою — онъ мнѣ сулилъ награду,
Онъ какъ звезда руководилъ меня,
Онъ мнѣ нужнѣй былъ воздуха роднаго...
И этотъ взоръ, исполненный огня —
Мнѣ кажется, теперь я вижу снова!...

Люция *(въ сильномъ вол-
ненн.)*

Творецъ!... О! Государь! прости существовье,
Но твоей рассказъ припелъ меня въ полненья!

Энцио.

Въ смущеньи ты!.. ты тронуть!.. О! мой Богъ!
 Не женщина ль прилично состраданье?
 Подумай же... Я здѣсь одинъ!.. мой вздохъ,
 Мой стонъ, мой плачь, души моей страданье
 Безъ отъѣва умрутъ. Никто на нихъ
 Участьемъ, утѣшеньемъ не отвѣтитъ.
 Никто моей печали не замѣтитъ
 И не пойметъ тяжелыхъ мукъ моихъ!..
 Жизнь пльвиника разделятъ кто со мною?
 Оградную мнѣ не услышать рѣчь!
 На чью мнѣ грудь усталой головою
 Въ часы тоски томительной прилечь?...
 Но я молчалъ и не ропталъ на Бога,
 Хоть зналъ всю жизнь страданій оди!..
 Жизнь счастья мнѣ не обещала много!
 Зачѣмъ же ты явилася ко мнѣ?

Люція.

Я!.. Государь!.. Опомнитесь!.. что съ вамъ!
 Я Люціо, пашъ нажъ!..

Энцио.

Птъ! небесамъ
 Клянусь мнѣ — ты не она, не та,
 Которая дилася какъ видѣшь,
 Какъ духъ, какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
 Какъ метеоръ, какъ плодъ воображенья?
 Молчишь ты?... Сжался!.. сердца не терзай!..
 О! подари пепя небеснымъ взглядомъ;
 Съ тобою мнѣ тевница будетъ рай,
 Мнѣ безъ тебя дворець мой будетъ адомъ!

Люція.

Что дѣлать мнѣ!.. Въ глазахъ померкнулъ свѣтъ.

Энцио.

Ужель на мигъ мнѣ счастье блеснуло?...
 Ужель меня надежда обманула?...
 Быть можетъ, у тебя сестра сеть?..

Люція.

Но сходство... я...

Птъ!

Энцио.

О! это ты! песь мнѣ
 Мнѣ скажетъ пльмъ — и мнѣ весь ошибется!
 Да, это ты, души моей кумиръ,
 Къ кому давно любовью сердце бьется,
 По комъ я цѣлый годъ страдалъ, грустилъ,
 Кто цѣлый мнѣ теперь мнѣ замѣнилъ,
 По комъ душа болитъ и сердце рвется.

И что теперь песь снѣтъ и пся земл!

Ты мой венець и слава Короля!..

Лишь взглядъ одинъ, лишь слово... Ангель
 милыи!

(Хочетъ броситься на колыни, Люція
 удерживаетъ его и сама падаетъ къ
 его ногамъ.)

Люція.

О! Энцио!.. я не могу... нѣтъ силы!..

Прости мнѣ! любовь къ тебѣ!..

Энцио.

Творецъ?

За этотъ мигъ и царство и венець!..

Люція.

О Государь, мнѣ ты не погубишь!..

Энцио.

Я не Король — ты пльзвика лишь любишь! —
 Онь твой на вѣкъ, на вѣкъ, мой милый другъ!
 (Поднимаетъ ее и обнимаетъ.)

Люція.

О! пощадъ! какъ? столько счастья вдругъ!..
 И Энцио безумную прощаетъ?

(Падаетъ къ нему на грудь.)

Чтожь говорятъ блаженство убиваетъ?

ВЫХОДЪ 3-й.

РЕЙНЕРО, потомъ ПИЕТРО, УГОНЕ и
 два члена верховнаго Болонскаго Со-
 вѣта; въ глубинѣ стража.

РЕЙНЕРО, (входитъ. Лю-
 ція вырывается
 изъ его объятий и
 закрываетъ лице.)

Энцио.

Рейнеро!

РЕЙНЕРО.

Государь! я знаю все!
 Но скоро же и вы узнаете.

Энцио.

Другь!

Теперь въ судьбѣ моей спокойно буау
Я перелѣны ждать — и мнѣ свобода
Не дорога, какъ прежде!

Рейнперо.

Государь!

Сопеть перховный кончился! Подеста
Идетъ вамъ объявить его рѣшенье.

Энцио.

Что бѣ ни было — я жду его спокойно!

Рейнперо.

Ты, Люція, остаться также можешь:
Подеста знаетъ, что сегодня новый
Къ намъ принять въ службу нажь.

Энцио.

О! я теперь

Перенесу все муки хладокровно!...
Я счастливъ, очень счастливъ, добрый другь.

*(Дверь отворяется: входитъ Угоне и два
члена совета, за ними Пьетро; въ от-
воренныя двери видна стража.)*

Угоне *(останавливает-
ся увидя Люцію.)*

Кто это? мальчикъ?

Пьетро.

Бѣдный сирота!

Я говорилъ ужъ про него. Пажемъ
Онъ вѣдето Ламберташи мной назначень.

Угоне.

А знаетъ ли онъ наше приказанье,
Чтобъ изъ дворца никто не выходилъ
Безъ письменнаго позволенья, даже
Ни на минуту!

Энцио.

Чьимъ я заслужилъ

Такую недовѣрчивость? За что
Присуждено такое притѣсенье?

Угоне.

Такъ повелѣлъ перховный нашъ Советъ!
Твой братъ, Конрадъ, намъ объявилъ вошу.

Рейнперо, Пьетро, Люція.

Войну!!

Энцио.

Войну!!

Угоне.

Не разуйся заранѣ!

Война есть только сдѣланіе рѣшенья
Совета. Къ намъ посоль Конрада прибылъ
Прѣснь, чтобъ мы тебя освободили.

Энцио.

Вы отказали?

Угоне.

Да! и разсмотримъ

Подробно положенье дѣлъ въ Епронтъ,
Все пзвѣсивъ: Гибеллиновъ гордыхъ власть,
И полю Папы, и раздоры въ нашей
Италии, — рѣшили мы, что ты
Опасенъ намъ, и присудили все
Въ плѣну тебя держать — до самой смерти!

Энцио *(мрачно.)*

До самой смерти!

Рейнперо.

Это невозможно!

Безчеловѣчно поступили вы!
За Короля и друга голосъ свой
Я смѣло здѣсь подамъ. Какое право
Нѣтете вы плѣнника держать?
Обычай всехъ народовъ допускаетъ
Размѣнъ и выкупъ. Если равныхъ вы
Герою-Королю не отыскали
Межъ нашихъ предводителей, которыхъ
Мы взяли въ плѣнъ въ сраженьяхъ, — назначьте
Вы выкупъ за него, тогда послѣдній
Сардинецъ принесетъ все, что имѣетъ:
На золото священные сосуды
Растопить; предковъ славный мечъ заложить,
И гробъ отца роднаго онъ продастъ —
И выкупить роднаго Короля!

Угоне.

Вы къ королямъ припланы сполнмъ,
Но мы безъ нихъ живемъ и процвѣтаемъ!

Рейнперо.

Придетъ пора — и увидите вы!
Въ годину бѣды кто намъ защитой будетъ?
Въ несчастьяхъ кто Болоцію спасетъ?

Вы хвалитесь пустой своей свободой —
Свобода лишь законами тверда.
Одинъ король законовъ охранитель —
Таки вѣтъ свободы — гдѣ вѣтъ короля!

УГОНЕ.

Сардинецъ! Вспомни, съ кѣмъ ты говоришь!
Тебѣ и Пьетро съ королемъ остаться
Изъ милости позволено, а ты
Болонии Подесту оскорбляешь?

ЭВЦИО.

Оставь пустые споры, мой Рейнеро!
Гдѣ сила намъ даетъ законъ — таки правда
Молчать! Ты видишь — ихъ рѣшенью я
Спокойно покорился!

УГОНЕ.

И тебѣ ли
На насъ роптать? Тебя мы не въ темницѣ
И не въ оковахъ держимъ. Для тебя
Мы лучшій отвелъ дворецъ! Ты въ пещь
Свободенъ. Ты къ себѣ итешь право
Всѣхъ принимать. Ты праздники дашь;
Вельможн наши часто у тебя
Пируютъ за однимъ столомъ съ тобою,
А это ли жизнь пльиника? Теперь
Мы отдали другія приказавья:
Изъ дворца, изъ города никто
Безъ позволенья выпущенъ не будетъ;
Но къ этому насъ братъ принудилъ твой.
Онъ объявилъ войну намъ; за тобою
По этому смотреть должны мы строже!...
И помни: если ты бѣжать захочешь,
То замыселъ обдумывай хитрей!
Мы будемъ непреклонны, если только
Побѣгъ твой не удастся! Помни это,
Сардинин развѣлчавный Король!

*(Уходитъ съ стражею. Двери опять
закрываются.)*

ЭВЦИО.

Разрушилась послѣдняя надежда!
Я не упижу вновь моей страны!
Мнѣ суждено дни проводить въ неволю,
И умереть въ позорѣ и цѣпяхъ!

Люція *(подходя къ
нему.)*

О! Эвцио! съ твоей душой высокой
Въ бездѣйствіи ты долженъ жизнь плачить,
Тогда какъ могъ бы славою своею
Наполнить цѣлый міръ!

Эвцио.

Мнѣ не хотѣла
Двѣ радости вдругъ подарить судьба:
Отнявши у меня мысль о свободѣ,
Она твою любовь мнѣ подарила!

Люція.

Вѣтъ! Эвцио свободенъ долженъ быть!
Послѣднее мы средство исчисляемъ —
Бѣжать ты долженъ!

Рейнеро.

Да! бѣжать ты долженъ!
Пока еще надежда оставалась,
О бѣгствѣ я не говорилъ ни слова,
Но все пропало — въ бѣгствѣ ты теперь
Искать спасенья долженъ!

Пьетро.

Мы найдемъ.
Придумаемъ мы средство!

Эвцио.

Мнѣ бѣжать?
Забьли вы какъ насъ затѣсь стерегутъ?
Ихъ бдительность удвоилась теперь.
Изъ дворца, изъ города вѣтъ средства
Безъ письменнаго выхити позволенья.
Припойните, что намъ сказалъ Подеста,
И что насъ ждетъ, когда мы не уситемъ!

Рейнеро.

Намъ золото поможетъ!

Люція.

У меня
Вѣтъ ничего! *(Снимаетъ съ груди медальонъ.)*
Вотъ все, что только мнѣ
Осталось! Затѣсь матери портретъ
Каменьями осыпанъ дорожникъ,
Она вѣляла съ нимъ не разставаться —
Но и его я въ жертву приношу.

Пьетро.

Вѣтъ, Люція! Сульба послала мнѣ
Богатое имѣніе, и часто
Я спрашивала себя: къ чему оно?
Теперь его употребляю я съ пользой,
Чтобъ короля и друга намъ спасти.

Рейнеро.

Гдѣ сила не поможетъ — хитрость тамъ
Употребить...

Люция.

О! хитрость мнѣ одной
Вы предоставте? Это дѣло женщинъ!
Но поскорѣй рѣшитесь!

Энцио.

Трудно мнѣ
Спротивляться вамъ, мои друзья,
Но долженъ я!... я не могу бѣжать!

Люция.

Не можешь?

Энцио.

Нѣтъ! Что, если не удастся
Побѣгъ нашъ? пастъ я погублю съ собой.
Не только васъ, но всѣхъ, кто затѣе со мною
И жизнь мою, и скуку раздѣляя,
Кто зналъ меня, кто видѣлъ часто, даже
Кто сожалѣлъ о бедномъ Королѣ,
И самъ я брошенъ въ новую темницу,
Вновь съ вами не увижусь никогда!

Рейнеро.

На полѣ битвы храбрый мой Король
Такъ не былъ боязливъ. Кто счастьемъ вѣритъ —
Тому счастливо удается все!

Энцио.

Нѣтъ! счастья Гогенштауфены не знаютъ!
Къ чему же мнѣ испытывать его?
Объ Энцио теперь кто въ нѣрѣ помнитъ?
Къ чему люблюсь я, всѣми позабытый?
Опять вести кровавую войну,
Опять въ войнѣ попасться въ плѣнъ постыдный?
Король Конрадъ Сардиніей владѣетъ:
Онъ ослѣпилъ подданныхъ монахъ,
И я теперь для счастья ихъ не нуженъ!
Они спокойны подъ его правленіемъ;
Обидеть ихъ соседи не посмѣютъ;
Врагъ дерзкій ихъ владѣнья не займетъ,
Мой братъ ихъ защититъ. И безъ меня
И побѣждать они и биться будутъ!

Петро.

Я вижу, Государь, твоей мощной духъ
Въ плѣну враговъ упалъ и ослабѣлъ!

Энцио.

Нѣтъ, Петро! Нѣтъ! Я духомъ не упалъ!
Я вновь готовъ, какъ въ дни былые, грянуть

Съ толпой монахъ Сардинцевъ на враговъ.
Я вижу часто прошлые побѣды:
Кортсуюво, гдѣ съ мной отцомъ
Рука съ рукой простымъ бойцомъ я бился,
Мелорию, гдѣ я разбилъ прелатовъ,
Гдѣ я Санацароллу заминалъ!
Я помню живо берега Дуная,
И варваровъ бѣгущія толпы,
Я могъ бы вновь грозой быть гордыхъ Гвельфовъ,
И Гибеллиновъ славу поскрестить.
Но бѣгствомъ я отчизны не спасу,
Не возвращу моей державѣ блеска,
И все, что совершилъ я въ дни былые —
Мнѣ кажется теперь прекраснымъ сномъ!...

Люция.

О Энцио!...

Петро.

Не хочешь ты бѣжать!

Рейнеро.

Склонись на убѣжденья наши!

Энцио.

Нѣтъ —
Оставимъ этотъ споръ — и навсегда!
Къ чему бѣжать мнѣ? Здѣсь нашелъ я счастье!
Моя глава носила три вѣнца:
Мнѣ парскій давъ судьбой былъ въ день рожденья,
Терновый на меня падѣли люди,
И миртовый прекрасная любовь!
Здѣсь я нашелъ все то, чѣмъ награждаетъ
За муки рокъ, что лучше всѣхъ вѣнцовъ.
Съ чѣмъ человекъ несчастья забываетъ —
Дѣтъ радости (подавал одну руку Петро, дру-
зю Люция)... И дружба, и любовь!

ВЫХОДЪ 4-й.

Галеотти д'Ареццо (въ платьѣ пи-
лигрима.)

Галеотти (входя.)

Миръ дому, гдѣ томится въ заточеньѣ
Державный узникъ! Кто изъ васъ, Сняборы
Мнѣ можетъ дать отвѣтъ, сказать гдѣ онъ,

Энцио (всматриваясь
въ него.)

Чей это голосъ? Вѣрный Галеотти!
Тебя ли вижу я?

ГАЛЕОТТИ (бросаясь на
кольни.)

О, Государь!

Позволь мнѣ пагладѣться на тебя,
Послушаться рѣчей твоихъ. Два года
Я не видалъ и не слышалъ тебя!

Энцио.

Что значить, другъ, одежда пилигрима?
Зачѣмъ ты здѣсь? Мой братъ тебя надъ поискомъ
Вождемъ поставилъ. Ты на полѣ битвы
Сражаться долженъ былъ бы за него!

ГАЛЕОТТИ.

Къ тебѣ являюсь тайно я! Враги
Знать не должны причины посещения!
Отъ поданныхъ твоихъ и отъ народа
Посломъ являюсь я: бѣги отсюда,
И сядь опять на отческій престолъ!

Энцио.

Что это значить? Развѣ я престолъ
И мой вѣнецъ Конраду не оставилъ?
Мой братъ теперь Сардинію править!

ГАЛЕОТТИ.

Не править онъ.

Энцио.

Ужель и ему
Судьба на полѣ битвы изменила?
Ужель пѣтъ!

ГАЛЕОТТИ.

Ахъ, если бъ только пѣтъ,
Тогда бъ еще надежду мы имѣли!

Энцио.

Что это значить? Копчи!

ГАЛЕОТТИ.

Государь!
Твой домъ давно преслѣдуешь судьба!
Сбери свои всѣ силы. Призови
На помощь твердость духа. Императоръ
Конрадъ....

Энцио.

Онъ боленъ?

ГАЛЕОТТИ.

Нѣтъ! онъ умеръ!

Всѣ.

Умеръ!

Энцио.

Онъ умеръ! онъ, мой братъ! такъ молодъ!...
Нѣтъ!

Визви назадъ ужасное извѣстье,
Скажи, что ты ошибся, обманулся,
Что съ братомъ я разстался не на вѣкъ!

ГАЛЕОТТИ.

Въ мученьяхъ дни окончили Императоръ!
Но не на полѣ битвы умеръ онъ,
Болезнь его жестокая постигла
И въ гробъ спела! Суровому Германцу
Былъ пагубенъ нашъ Итальянскій климатъ,
И въ гробъ сошелъ онъ на разсвѣтъ дней!

Энцио.

Мой братъ! мой братъ! И могъ ли думать я,
Что болѣе Конрада не увижу,
Что буду я оплакивать его!
И вздохъ его послѣдній я не принялъ,
И не далъ я прощальнаго лобзанья;
И тѣло Императора въ могилу
Я на моихъ рукахъ не опускалъ!...
О, бѣдный братъ мой!
(Опускается на стулъ, и закрываетъ
лице руками.)

ГАЛЕОТТИ.

Здѣсь еще не знаютъ,
Что умеръ братъ твой. Тайно ото всѣхъ
Въ Болонію я прискакалъ, сюда
Пробравшись въ одеждѣ пилигрима.
Боюсь здѣсь я долгимъ пребываньемъ
Подесты подозрѣнье возбудить,
И потому прошу тебя еще разъ:
Спасай народъ, спасай свою державу!
Педалско отсель дружины ваши,
Раскинувъ станъ, не знаютъ что начать.
Обрадуй ихъ нежданпымъ появленьемъ,
Сбери своихъ воинственныхъ Сардинцевъ,
И снова ихъ, какъ въ дни побѣдъ и славы,
Ты поведи на битвы, на праговъ!
Къ тебѣ народъ взываетъ твой! Тебѣ
Онъ съ терпѣньемъ ждетъ! долгой оковы!
Не пѣтвиномъ — явись имъ Королемъ,
И мѣръ вздрогнетъ при крикахъ Гибелиновъ,
И гордый Гвельфъ предъ нами побѣжитъ! —
Я все сказалъ! Мы ждемъ тебя! Прощай!

(Уходитъ).

Люція (подходя къ Энцио).

Ты слышалъ, Государь! Слѣши, покуда
Конрада смерть еще не вѣсть известна.

Повѣрь: она привычкою будетъ къ новымъ,
Жестокимъ притѣненіямъ, и дерзость
Болоини удвоится теперь!...

Энцио (*не слушая ее*).

Да, счастья Гогенштауфены не знаютъ!
О! какъ богатъ несчастіями нашъ домъ!
Какъ мой Конрадъ, скончался въ цветъ лѣтъ
И на дорогѣ къ почестіямъ и славѣ,
Почтя всѣ Гогенштауфены: Флиппъ
И Геирихъ, дѣдъ мой! — А враги мои
Въ пыли безбѣдствія кажутся безсмертны!
Такоу всего прекраснаго у дѣлъ:
Великое недолговѣчно въ мирѣ!

Рейнгеро.

Да, Энцио! ты правъ! погнбло все!
Чего еще намъ ждать? Король въ плѣну,
И пырваться изъ плѣна самъ не хочетъ!
А между тѣмъ владѣнія его
Тираны Энцилинь и Альберко
Безъ опасенія смѣло расхищаютъ,
Палачиции запыл Паченцу;
Маркграфъ Бертольдъ фонъ Гогенбургъ по Рейну
Жметъ города Германіи твои;
Самъ Папа посылаетъ кардинала,
Монаха-полководца, запландѣть
Завѣтнымимъ достоянствомъ Гибеллпопъ,
И сѣсть на Гогенштауфеновъ престолъ!

Энцио (*вскакивал*).

Не сядетъ онъ, Прелатъ краспорѣчный!
Онъ не возьметъ Германіи моей!
Она возстанетъ вся! Не станеть поиска?
Страхнуть съ чела спой сонъ сѣдыя горы,
И двинутся съ широкихъ осипацій—
И путь на сверерь мой загородятъ!

Рейнгеро.

Не горы нужны тутъ, а Гогенштауфенъ,
Потомокъ славный славныхъ Королей!

Энцио.

И оставеть Гогенштауфенъ тотъ у входа,
И гробъ отца собою заслонить!

Рейнгеро.

Проснулся ли ты наконецъ, властитель?
Ты хочешь ли бѣжать?

Энцио.

Бѣжать! бѣжать!
О! дайте средства мнѣ сорвать оковы,
Затворы сбить съ темницы роковой!
Я докажу прагамъ моимъ паденнымъ,
Что духъ отца и въ сыпѣ не погасъ!

Напоиню я забывчивому миру
Тѣ дни, какъ онъ предъ Фридрихомъ дрожалъ,
Какъ онъ во прахъ чело предъ нимъ склонялъ!
Надѣну я отповѣкую порфиру,
Вънецъ отца я выпру у враговъ,
Его носеть лишь Гогенштауфенъ можетъ.
Вънецъ его пигмелъ не подь силу,
Подъ тяжестью его они согнутся —
А я его ребенкомъ падывалъ!
Скорѣй! Туда! на битву, на свободу!
И жажду вновь услышать звукъ мечей,
И трескъ щитовъ, и ржаніе коней!
Хочу воззвать, какъ прежде, я къ народу,
Чтобъ бранимый крикъ вознесся до небесъ!
Воскресъ Король нашъ, Энцио воскресъ!

Люция.

Да, онъ воскресъ! герой. Король могучій!
И новыя победы жаутъ его!

Энцио.

Гдѣ ты, мой мечъ! Мечъ прадедовъ моихъ!...

Петро.

Терпѣнье, Государь! Смирн порывъ
Твоей души! Намъ надо осторожно,
Обдуманно побѣгъ устроить твой!

Люция.

Но медленность откупите, ради Бога!
Пока еще Болоиня не знаеть
О смерти Императора — намъ должно
Окончить все.

Рейнгеро.

По какъ? Изъ дворца,
Изъ городской заставы, безъ Подесты,
Безъ позволенія, безъ его согласія
Живому существу дороги нѣтъ!

Люция.

Живому вѣтъ, такъ мертвые проблудъ!

Энцио.

Что это значить?

Люция.

Мнѣ любовь внушила
Спасти тебя, хотя и страшнымъ средствомъ,
По вѣрнымъ. Слушай! Твой любимый папъ,
Котораго я исто замѣнила,
Вчера скончался. Иначе жъ мертвеца
Похоронить должны по городскому
Обычаю низъ города. И стоить
Начальника могильщиковъ къ себѣ
Привлечь наградою, просьбой, обещаньемъ,

И вѣсто мертвеса въ пустомъ гробу,
Онъ Короля проводитъ за порота.

ПИЕТРО.

Прекрасный планъ! Филиппо я беру съ
Уговорить, и въ эту же ночь, Король
Болошию праждебную покинетъ!
Согласенъ ли ты, Энцио?

Энцио.

Могу ли

Я, добрый другъ, на то не согласиться,
Что Люция придумала мол?

РЕЙНЕРО.

Такъ съ Богомъ же! И примеси за дѣло!
Къ смотрителю могильщиковъ ты, Пиетро,
Иди сейчасъ же. Государь, а ты,
Чтобы занять праговъ твоихъ, сзови
Сегодня же ихъ на блестящій праздинокъ,

И дай имъ маскарадъ въ твоимъ дворцѣ.
Въ минуту шума и разгула, намъ
Удобитъ сокрыться можно будетъ,
И мы обманемъ бдительность праговъ!

Энцио.

Друзья мои! Я знаю, для меня
Вы жертвуете жизнью въ это время!
И жертву нашу принимаю я!
Ес оцнить позднее потоплето.
И если не удастся нашъ побѣгъ —
Погибнемъ вѣсть! Ваши пшена
Останутся безсмертными. О васъ
И добрый гражданинъ, и первый другъ,
И подданный съ слезою горькой вспоминать,
Когда придетъ имъ мысль о суеств,
Непостоянствѣ здѣшняго пеличя!
Объ участи страдальца-Короля!.....

(Завѣса падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

МОГИЛЬЩИКЪ.

Комната въ домѣ Филиппо. Столъ и два стула.

ВЫХОДЪ 1-й.

Пиетро и Филиппо (входятъ).

Филиппо.

Какая честь, Снйоръ! Я даже думать
Не смѣлъ, чтобы Сардинецъ благородный
Пожаловалъ ко мнѣ, въ мое жилище,
Къ ничтожному могильщику.

Пиетро.

Зачѣмъ же

Ничтожнымъ называешь ты себя?

И хоть твоя здѣсь незавидна должность....

Филиппо.

Ну, вѣтъ! и позавидовать ей можно!
Спокойная она! И тѣ, съ кѣмъ я
Вожуся здѣсь, нѣмлютъ всѣ привычку —
Дурную или хорошую — молчать!
Они допольны иной, и до сихъ поръ
Изъ нихъ никто не жаловался мнѣ,
На то, что дурию съ ними обращаюсь.
Однако я хорошъ, и не прошу
Садитесь пась! Вотъ стулъ, Снйоръ, на немъ
Давно ужъ не сидѣлъ никто, а тѣ,
Которые ко мнѣ приходятъ въ гости,
Бездуютъ всегда со мною лежа —
Садитесь, снйоръ.

ПЕТРО (садясь).

Благодарю!

Съ тобою я хотѣлъ бы кой о чемъ
Поговорить.... Есть просьба у меня.
Садись же самъ!...

Филиппо (садясь).

Ну! если вамъ угодно!

А иначе я долгъ свой очень знаю!
Вы такъ добры! Меня обыкновенно
Всѣ бьгаютъ, и встрѣтился со мною
Иль обойдутъ, иль просто отнернутъ!

ПЕТРО.

Зачѣмъ же? Ты пядь будешь пужень имъ!

Филиппо.

Вотъ въ этомъ-то и дѣло! После смерти
Ужъ полей иль неволю они
Должны со мной свести знакомство, это
При жизни ихъ и заставляеть мною
Глушаться. Я предперникъ той квартиры,
Которую они когда либуудъ
Займутъ насильно. Я напоминаю
Иль истину, печальную, конечно,
Что человекъ, который на землѣ
Пространство захватилъ себѣ большое,
Уляжется въ землѣ въ такой же ящикъ,
Какъ тотъ, кто ничего здѣсь не имѣлъ!
Пусть тѣсенъ мѣръ героизмъ и Монархамъ!
Имъ всѣмъ въ землѣ довольно мѣста будетъ!

ПЕТРО.

Однако же, не все тебя бѣгутъ!
Вотъ я тебя давно ужъ знаю, часто
Бесѣдую съ тобой.

Филиппо.

Вы исключенье.

Сивьоръ! Вы не похожи на другихъ —
А знатные куда меня не любятъ!
Помяи вы поступаете прекрасно.
А ихъ спросите — скажутъ: очень дурно.
Вотъ такъ-то все на свѣтѣ! Все зависитъ
Лишь отъ того, съ которой стороны
Посмотришь на предметъ. И на землѣ
Все виѣсть хорошо и дурно! Или
Хоть и не хорошо, да и не дурно!
И я, благодаря за вашъ приходъ,
Скажу: вы смерти вѣрно не боятесь!

ПЕТРО.

Нѣтъ! черезъ смерть я научаюсь жить.

Филиппо.

Иы правы. Что такое смерть? Ничто,

Великое, ужасное ничто,
Которое заберъ все уничтожаетъ,
И стало быть, она сильней всего,
И, стало быть, какъ все предъ ней ничтожно!
Но что же наконецъ угодно намъ?

ПЕТРО.

Пажъ Короля недавно умеръ!

Филиппо.

Знаю.

Сегодня я возью его къ себѣ.

ПЕТРО.

Ты знаешь Короля?

Филиппо.

Разъ только видѣлъ,
Когда его въ Болонню везли
Ужъ плѣнникомъ, и то случайно. Мнѣ
На праздники, торжественные въѣзды
Живыхъ людей невесело смотреть!
Я не люблю ихъ лицъ. Лице живое
Избитично и большей частью ложно!
На вежъ не прочитаешь никогда
Ни чувства, ни характера! На мертвомъ
Читаю плодъ жизни повесть я!
Какъ выраженье истинно, какими
Глубокими и рѣзкими чертами
Въ немъ прѣзлалась послѣдняя мечта,
Послѣднѣя и чувства и надежды!
Нертдко я, когда мнѣ принесутъ
И грѣшника, и съ нимъ отца святаго —
Смотрю на лица ихъ и ошибаюсь!
И грѣшникъ на меня гадитъ свѣтлымъ,
Свѣтой отецъ — такъ грѣшникомъ и смотреть!
Вотъ вы, сивьоръ, О! я увѣренъ въ этомъ.
Когда узрете вы, навѣрно будетъ
Лице у трупа нашего — такое,
Что передъ нимъ невольно сложишь руки,
И скажешь: Помолися тамъ за насъ!

ПЕТРО.

Благодарю за комплиментъ могильный!

Филиппо.

Я долженъ васъ благодарить за то,
Что болтовню могильщика съ такимъ
Вы снисхожденьемъ слушаете. Я
Всегда молчу, и оттого, простите,
При слухѣ болтливъ, но вы мнѣ что-то
Про Короля сказать хотѣли.

ПЕТРО.

Да!

Ты знаешь, что Король нашъ шутки любитъ.

Сегодня даль онь маскарадъ большой,
И въ сѣдствіе заклада одного
Вотъ что придумалъ онь: одинъ изъ насъ —
Для шутки только — ляжетъ въ гробъ, который
Для мертваго важа ты приготопилъ,
И ты того, кто будетъ тамъ лежать,
Велишь тихопько вынести изъ дворца,
Потомъ.... Но что потомъ изъ шутки выйдетъ
Я послѣ расскажу, теперь я долженъ
Узнать, ты намъ окажешь ли услугу,
И станешь ли намъ въ шуткѣ помогать?

Филиппо.

Престрашную затѣяли вы шутку.
Конечно, онь Король, но вѣдь подь часъ
И Королю шутить со смертью плохо!
Она сильнѣе псебъ земныхъ владыкъ!

Петро.

Чтожь, на тебя падѣяться мы можемъ?

Филиппо.

Такъ я помочь вамъ долженъ въ этой шуткѣ,
Гдѣ мертваго живой играть намъ трень?
Вы знаете ль сравненье то, что шутка
Похожа на сирену, у которой
Красавицы лице, а хвостъ змѣиный.

Петро.

Спокоенъ будь, старикъ! Готово все,
Придумано, устроено, и только
Твое согласье нужно намъ. Тебѣ
Подарокъ также будетъ за услугу,
Богатый, Королевскій!

Филиппо.

И за шутку
Подарокъ Королевскій! Да и шутка
Конечно, Королевская!... Не знаю!...
Разсказывалъ ли я вамъ какъ меня
Великій Фридрихъ, Энцио отецъ,
Однажды спасъ отъ смерти злой, къ которой
Меня приговорилъ Сенатъ Болонскій.
Онь въ этотъ день, когда я долженъ былъ
На площаи повѣшенъ быть, въ нашъ городъ
Съ триумфомъ, побѣдителемъ въезжалъ!
И онь простилъ меня!... О, это былъ
Великій Императоръ! Я жалко,
Что не выдалъ его по гробъ, мертвыиъ!
О какъ тогда хорошъ онь вѣрно былъ!

Петро.

Онь какъ Атласъ мѣръ пѣлымъ несъ на плечахъ,

И утоиленный ношею тяжелой,
Въ могилу легъ отъ жизни отдохнуть!

Филиппо.

Чѣмъ могъ я, слабый червь, за милосердые
Герою отплатить?... Но часъ пришелъ!
И то, что я не сдѣлалъ для живаго,
Для мертваго я сдѣлаю. Изъ гроба
Ушидѣть онь, что я благодарные
Его не позабылъ, что долгъ отцу,
Я сыну заплачу!... Синьоръ! На шутку
Согласенъ л! Вотъ вамъ моя рука!

Петро.

Старикъ! Самъ Богъ воздастъ тебѣ за это!...
Поступокъ твой прекрасенъ и великъ!

Филиппо.

И, полноте! Я долгъ свой исполняю.
Вѣдь благодарность точно сѣблый плодъ:
Хорошъ, и свѣжъ, и вкусенъ, только все же
Онь дерево родное тяготитъ!
Я предложу, однако, намъ условье —
Вы знаете: свободный городъ нашъ
Не любить шутокъ, а такихъ подавно!
Такъ если я за шутку долженъ буду
Бѣжать отсюда — вы доставите мнѣ
Въ любовь изъ Королевскихъ городовъ
Такое жъ точно мѣсто, гдѣ бы я
Спокойно кончилъ жизнь. Другаго мнѣ
Не надобно! Я къ мертвыиъ такъ привыкъ.

Петро.

Я Королевскійиъ пленемъ тебѣ
Все обещаю, что ты ни захочешь!
Теперь прощай.... Мнѣ многое еще
Осталось приготовить. До свиданья!

(Уходитъ).

Филиппо.

До скорого свиданія, синьоръ!
Когда бы я былъ настоящій Гвельфъ,
Какимъ Болонецъ каждый долженъ быть —
Объ этой шуткѣ нашему Совету
Я бѣ долженъ донести. Что мнѣ до Гвельфовъ,
И что до Гибеллиновъ! Кто они?
Все будущіе трупы! Гибелина
Иль Гвельфа я спасу, не все ль равно?
А можетъ быть, отъ этого спокойнѣй
И мягче будетъ мнѣ въ гробу лежать!

(Уходитъ).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЛОКОНЪ.

Галерея во дворцѣ Энцио. На лѣвой сторонѣ, на катафалкѣ, открытый гробъ, подлѣ него крыша. Смеркается.

ВЫХОДЪ 2-й.

ПИЕТРО и **РЕЙНЕРО** (*въ маскахъ и доминахъ. Вдали по временамъ раздается веселая музыка*).

ПИЕТРО.

Сильный гремитъ, хоры музыкантовъ,
Шумный кипитъ безумное веселье,
Скорый спустись ночь темная на землю,
И скрой побѣгъ и тайну отъ враговъ.

РЕЙНЕРО.

Но все ль готово?

ПИЕТРО.

Все; лишь только бѣ стража
Въ воротахъ пропустила гробъ, а тамъ
Онъ будетъ безопасенъ.

РЕЙНЕРО.

Пиетро, я

Боюсь, что если...

ПИЕТРО.

Ты боишься, другъ?...

РЕЙНЕРО.

Да, противъ воли страхъ тѣснится въ грудь,
Я думаю: ты лучше бѣ сдѣлалъ, Пиетро,
Когда бы прежде насъ отсюда скрылся
И къ войску поспѣшилъ. Вамъ Галлотти
Сказалъ, что ставъ раскинуть недалеко,
Такъ ты бы предувѣдомилъ его
О бѣгствѣ Короля, и если насъ
Здѣсь что вибудь случайно остановитъ,
И къ утру мы не явимся, тогда
Сбери толпы повстанцевъ Сараниевъ
И Короля или освободить.

ПИЕТРО.

Ты правъ: и осторожность не мѣшаетъ.

Изъ города я выйду раньше насъ.
Но кто же съ Королемъ здѣсь будетъ?

РЕЙНЕРО.

Я!

Я самъ пойду за гробомъ Короля;
Я буду охранять!...

ПИЕТРО.

Такъ съ Богомъ, другъ!

А я отправлюсь къ войску.... Вотъ и онъ,
Филиппо добрый нашъ!

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и **ФИЛИППО.**

ПИЕТРО.

Что такъ ты скученъ
Иль нашъ побѣгъ не радуешь тебя?

ФИЛИППО.

Не радуешь? Я никогда не прочь
Отъ добрыхъ дѣлъ. Но вотъ мнѣ что на умъ
Пришло теперь: мы гордо въ этой жизни
Кричимъ: мое, мое! А что здѣсь наше?
Какъ поручиться намъ, что не отниметъ
Судьба у насъ того, что мы вѣселимъ,
И тотъ бѣднякъ, котораго сейчасъ
Безъ почестей зарылъ я въ темномъ мѣстѣ.
Важись бы могъ утверднъ быть, что гробъ
Останется на вѣкъ съ нимъ, но и тутъ
Ошибся онъ. Понадобился гробъ
Живому Королю — и мертвый нашъ
Отдай его, а самъ ложись какъ знаешь
Въ могилу!

ПИЕТРО.

Другъ! по если этимъ онъ
Спасаетъ Короля?

Филиппо.

Конечно такъ:
Но мертвого все жаль мнѣ!

Рейнеро.

Я повтрю!
Ты съ мертвецами дружень, но тебя
Благодарить должны мы все за то,
Что въ обществѣ безмолвномъ и холодномъ
Не разучился ты любить живыхъ!

Петро (показывая ему
кошелекъ).

Возьмико другъ... вѣдь это не награда,
А деньги на дорогу. Мы съ тобой
Увидимся вторично въ Пизаендѣ.

Филиппо.

Быть можетъ да, а можетъ быть и нѣтъ.
Я ни за что не смѣю поручиться!
Однако ужъ пора, и Королю
Сказать вы потрудитесь, что мои
Могильщики готовы.

Рейнеро.

Я иду
Увѣдомить его (Уходитъ).

Филиппо (подходя къ
гробу).

Для Короля,

Конечно, этотъ гробъ не очень пышенъ!
Никъ и въ землѣ почеть перелѣть другимъ.
Но только я одно хотѣлъ спросить бы
У гробовыхъ жильцовъ съ холодной кровью,
Которые для завтрака насъ ждуть:
Вкуснѣ ль трупъ въ гробу позолоченомъ,
Чѣмъ изъ шести склоченныхъ досокъ?
Но все же гробъ ему спасеньемъ будетъ!
И мертвый за Болонскими стѣнами
Воскреснетъ вновь для жизни и свободы,
Для вѣсти злымъ прагаиъ!... Близка минута!
Неволью страхомъ сердце зампраеть.
Что, если?... Прочь пустыя опасенья!
Онъ нуженъ для отечества, и къ сталу
Богъ пастыря незримо пропелеть.

Петро.

Король идетъ.

Филиппо.

Такъ я пойду теперь
И приведу могильщиковъ моихъ!

Петро.

А я займу гостей куда нампхъ.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ 4-й.

Энцио и Люція (выходятъ съ противо-
положной стороны).

Энцио.

Желанная минута настаетъ!...
Близка моя свобода! Добрый другъ мой!
Ты мнѣ темницы двери отпорила.
И вѣсть мы отсюда убъжимъ!

Люція.

Нѣтъ, Государь! Я остаюся здѣсь.

Энцио.

Ты остаешься?... какъ?... и безъ меня,
Безъ Энцио, о нѣтъ!... Скажи, что я
Ослышался, что я тебя не понялъ!

Люція.

Я остаюся, я должна остаться,
Хотя съ тобой разлука тяжела.

Энцио.

Но что жъ тебя здѣсь можетъ удержатъ?

Люція.

Обязанность, и честь, и мнѣнье свѣта!
Въ твоимъ усланеніи, гдѣ я живу
Два друга лишь съ тобою раздѣляли,
И знали тайну Люшин, спокойно
Тебя могла любить я, не боясь
Людской молвы; но въ свѣтъ, передъ всѣми,
Могу ли я любовь и пость свой скрыть.
И честь мою спасти отъ оскорбленій?

Энцио.

Я посмотрю кто смѣетъ оскорбить
Тебя, мой другъ, тебя, мою сурругу!

Люція (бросается къ
погамъ его. Ко-
роль ее подни-
маетъ).

О! пощадн! нѣтъ!... недостойна я
Высокаго пазнанія сурруги!
Мнѣ раздѣлять съ тобой твой свѣтлый саиъ,
Надѣть твою корону, сѣсть на тронъ,

На славной тропе Сардинских королей,
Изъ дома Гогенштауфеновъ, носить
Побѣды прославленное шлѣ,
Иль, сиротъ безвѣстной и ничтожной,
Мнѣ, дочери тюремниковъ твоихъ!...
Нѣтъ, никогда!... Союзомъ недостойнымъ
Ты возбудить негодование можешь
Союзниковъ и подданныхъ твоихъ,
А ихъ любовь тебѣ необходима!
Неровный бракъ твой можетъ бросить тѣнь
На шлѣ Государя, а его
Ты чистымъ долженъ будешь подарить
Какойнибудь владѣтельной принцессѣ,
Иль дочери другаго короля!
Она тебѣ въ подарокъ принесетъ
И города, и крѣпости, и помощь
Державнаго отца, его союзъ...
А я... что принесу тебѣ въ подарокъ?
Страданьями измученное сердце,
И свѣтомъ опороченную страсть!

Энцио.

О! Люція! Не любишь ты меня!

Люція.

Я не люблю!... Я бъ доказать могла
Мою любовь предавшия тебѣ,
Но развѣ я се не доказала,
Отъ трона отказавшись твоего!
Я не люблю тебя! Когда рѣшилась
Отдать тебя другой. О! пощади!
Сомнѣньемъ не терзай меня! Мое
И безъ того ужасно положенье.
Я буду думать каждый мигъ: явилъ
Въ объятіяхъ другихъ онъ забываетъ,
Другой любовью и ласки расточаетъ,
Другая мнѣ владѣть! Въ грѣсахъ сна
Она — она и все она!
Ей все: покой, заботы, попеченья,
А я должна сносить печаль, мученья,
Должна терзать отчаяньемъ себя!...
О! Энцио! Я ль не люблю тебя?

Энцио.

Но если любишь ты, къ чему же намъ
На вѣки разлучаться? И не такъ ли
Какъ смерть, любовь равняетъ состоянья?..

Люція.

Да! но за гробомъ, а не въ этой жизни!

Энцио.

Нѣтъ! ты за мной послѣдуешь, неправда ль?
Скажи, вѣдь это только испытанье?
Болѣзнь, сомнѣнье пламеннаго сердца!
Ты согласишься, о! ты согласишься!..

Люція.

Молчи! Молчи!... мой Энцио!... Король мой!...
Не разрушай намъ реней моихъ
И твердости меня ты не лишай!...

Энцио.

И мнѣ тебя оставить, жизнь вести
Въ отчаяньѣ, въ тоскѣ, въ мученьяхъ?... да!
Ты мнѣ сама сказала?

Люція.

Я!... о нѣтъ!

Могу ли я печалиться, когда
Узнаю, что ты счастливъ, что взошла
Звѣзда твоя высоко надъ землею,
Что споза ты и славенъ, и могучъ,
Что предъ тобой праги твои смирившись,
Что пѣзъ тебѣ владѣнья возвратились!...
О! какъ гордиться буду я тобой,
Когда молна въ мое удивленье
Мнѣ о тебѣ расскажетъ, мой герой,
О подвигахъ, достойныхъ удивленья,
О новомъ торжествѣ или сраженъѣ,
Когда ко мнѣ доучится славы крикъ:
Великъ король нашъ, Энцио, великъ! —
Отрадною слезой мой взоръ зальется,
И счастьемъ сердце бѣдное забьется,
И я скажу, восторгъ въ душѣ талъ,
Какъ тотъ великъ, кого любила я!

Энцио.

О! Люція! къ чему тоской терзаться?
Мы не должны, не можемъ мы разстаться!

Люція.

Мы можемъ и должны, — и за тобой
Послѣдовать я не могу, не смѣю!...

Энцио.

Не хочешь ты послѣдовать за мной?
Такъ самъ я за невѣстою моею
Прійду къ стѣнамъ Болоніи съ войной,
И выкуплю тебя моею кровью;
Пусть на меня возстанетъ вся земля —
Я положу къ ногамъ твоимъ съ любовью
Мечъ воина и скипетръ короля.
Врагамъ я брошу гордое условье:
Иль смерть принять, или отдать тебя,
Чего король не сдѣлаетъ любя!

Люція.

Нѣтъ! Нѣтъ! не приходи, и дай спокойно
Мнѣ умереть!

Энцио.

Нѣтъ! пусть узнаетъ свѣтъ,

Кн. XXII — 3

Что короля ты, Люція, достойна,
И что тебя прекраснѣ въ міръ шты!

В Ы Х О Д Ъ V.

Рейнеро *(входитъ)*.

Рейнеро.

Какъ, Государь, еще не въ гробъ ты?
Филиппо скоро будетъ.

Энцио.

Это ты,

Рейнеро!... Подлѣ Люціи моеи
Я обо всемъ забылъ... Но гдѣжь онъ?... А?
Вотъ вѣчная постель людей, вотъ наше
Последнее жилище! — не роскошно!
За то спокойно!... Люція!... прощай,
Хоть ненадолго! Добрый, милый другъ!
Благодарю за краткія игиновенья,
Которыя въ мои печальной жизни
Любовью усладила ты. Прощай!
Ты яркій лучъ, блеснувшій въ мракъ горя,
Звезда на небѣ сумрачныхъ ноемъ,
Цветокъ, разцвѣтшій между стѣнъ темницы,
Ты, будущаго счастья заря!

Люція.

Прощай! и если намъ судьба судила
Не свидѣться ужъ больше въ жизни этой,
То тамъ, въ отчизнѣ лучшей и небесной —
Я вѣрно встрѣчу первая тебя!

Рейнеро.

Филиппо скоро будетъ, Государь!...

Люція.

Зачѣмъ напоминать намъ о разлукѣ.
Позволь мнѣ насмотрѣться на него,
Въ послѣдній разъ послушаться. Отсюда
Не выйду я, покажется крыша гроба
Его на вѣкъ не скростъ отъ меня!

Рейнеро.

Пора, пора!

Энцио *(входя на ката-
фалкѣ)*.

Прими же ты меня,

Холодный гробъ, и скорю въ спонъ объятыхъ!
Въ тебя я бѣдныхъ ближниковъ ложусь,
Но встану королемъ!...

(Хочетъ лечь въ гробъ).

Люція.

О! погоди!

Еще помедли, хоть одну минуту!...

Рейнеро.

Ты, Люція, погубишь короля!.

Люція.

Молчи! о! для чего сказалъ ты это?...
Мнѣ погубить его? Нѣтъ! я хочу
Сама помочь ему въ гробъ этотъ лечь.

Энцио.

Какъ счастливъ тотъ, котораго любовь
Въ холодную могилу провожаетъ!
Последній поцѣлуй!... *(цѣлуетъ ее)* что это
значить,
Ты вся дрожишь, щека твоя какъ ледъ?...

Люція.

Прости меня! Не знаю отчего
Тоска и страхъ гнѣсится въ грудь мою...
Мнѣ кажется... такъ этотъ гробъ ужасенъ!
Такъ намъ опасна каждая минута,
Мнѣ кажется, что точно мертвеца,
А не тебя къ груди я прижимаю!...

Энцио.

Какая мысль! Другъ милый, успокойся!
Мы свидимся, прощай!

(Ложится въ гробъ).

Люція.

О, погоди!

Я чувствую застыла въ жилахъ кровь!
Еще одно послѣднее прощанье...
И просьба... да, ты не откажешь мнѣ!...

Рейнеро *(держитъ крыш-
ку)*.

Я слышу шумъ!... скорѣе, Государь.

Энцио *(приподнимаясь
въ гробу)*.

Постой, мой другъ!... ты, Люція, хотѣла
Просить меня!

Люція.

О! да, не откажи!

На память нашей горестной любви,
На память нашей тягостной разлуки —
Ты подари одинъ твой локопъ мнѣ!
Его я здѣсь на бѣдномъ сердцѣ спрячу,
И каждый день я стану цѣловать,
И каждый день слезами обливать!...

Одинъ... король мой!... Энціо!... мой другъ!
А безъ того миру я... Жизнь моя
Отъ локона теперь зависить, вѣрь мнѣ,
Не правда ль ты мнѣ подарилъ его?...

Энціо.

Съ охотою.

Люція.

И я сама отрѣжу,
И выберу сама?...

Энціо.

Когда ты хочешь!

Люція.

Рейнеро, дай кинжалъ мнѣ свой!...

РЕЙНЕРО.

Клянусь

Ты, Люція, погубишь короля!

Люція.

Опять!... (беретъ у него кинжалъ). Онъ мой,
волнистый этотъ локопъ!
Мой Энціо! благодарю тебя!...

ВЫХОДЪ VI.

ПІЕТРО, потомъ Филиппо и четыре
могильщика).

ПІЕТРО (вбѣгая).

Идутъ!..

РЕЙНЕРО.

Мой Богъ!

(Захлопываетъ крышу гроба. Изъ подъ
нее виситъ локопъ, который Люція хо-
тѣла отрѣзать. Она ронлетъ кинжалъ
и плачетъ).

Филиппо (за сценой).

Сюда, мои друзья!

(Входитъ).

Готово?.. (могильщики входятъ). Вотъ и мерт-
вый! остороживъ!..

Снесите за порога вы его!

Синьоры, васъ печальному обряду

Прошу я не вѣшать! Идите съ Богомъ!

До мертваго какое дѣло вамъ?

(Піетро уводитъ Люцію, которая хо-
четъ бросится къ гробу. Рейнеро ухо-
дитъ за ними).

1-й Могильщикъ.

Что это такъ печалится они?
Кажись покойникъ былъ не знатный, имъ
Не раценъ онъ, а пацъ простой.

2-й Могильщикъ.

О немъ

Вотъ молодой синьоръ-то чуть не плакалъ!

Филиппо.

Чему вы удивляетесь? Пажа
Изъ нихъ никто бы вѣрно не забылъ
Въ Сардиніи, при тронѣ короля,
А здѣсь, въ пѣчу, заплачешь по неволѣ,
Какъ не съ кѣмъ и промолвить слова имъ.

1-й Могильщикъ.

Что жъ Энціо проститься не пришелъ
Съ своимъ нажемъ?

Филиппо.

Теперь не тѣмъ онъ занятъ
На праздникъ опъ поселится; впрочемъ,
О насъ онъ не забылъ... Вотъ тутъ и вамъ
Достается, на вашу долю...

(Вынимаетъ кошелекъ).

2-й Могильщикъ.

А!

Вотъ это хорошо! Ему за это
Мы очень благодарны!

Филиппо.

Да! по вамъ

Быть можетъ отъ врага отчизны нашей
Брать деньги стыдно!

1-й Могильщикъ.

Ничего! давай!

2-й Могильщикъ.

Что за бѣда!

1-й Могильщикъ.

Вѣдь золото неждѣ

Одно и то же!

2-й Могильщикъ.

Правда!

Филиппо.

Какъ хотите!

Но право я боюсь! это грѣхъ,
Король — и Гибеллиниъ, и Папы врагъ.
Отецъ его былъ проклятъ. Нитердикъ
Наложень на него былъ.

1-й Могильщикъ.

Ничего!

Съ твоей души мы снимаемъ этотъ грѣхъ,
Возьмемъ на наши!

Филиппо.

Ну, тогда пожалуй.

Смотрите жъ! Владитъ Богъ, а я тутъ чистъ!
Теперь берите гробъ, да осторожьтѣй,
Не какъ пибудь.

1-й Могильщикъ.

Ну, а какое дѣло

Покойнику до этого? Онъ, вѣрно,
Не требуетъ, чтобъ мы съ нимъ обращались
Какъ и съ живымъ.

Филиппо.

Не требуетъ? А ты

Уверенъ въ этомъ?

1-й Могильщикъ.

Мертвымъ ничего

Не надобно!... и ничего они
Въ спосѣхъ живущихъ тѣспомъ не желаютъ.

Филиппо.

Почемъ ты знаешь? Развѣ ничего
Во снѣ ты не желаешь? Развѣ смерть
Не сонъ? какъ знать! Въ холодной пажь постелъ
Не то же ль будетъ спиться, что и въ теплой?
Да нечего болтать, скорѣй за дѣло —
И съ Богомъ въ путь!

(Могильщики поднимаютъ гробъ).

Вотъ такъ! И пожелайте

Вы мертвому счастливаго пути
И радостнаго поскрессня! (Боже!
Ты помоги спасти пажь короля).

(Уходятъ).

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

ГРОБЪ.

Городскія порота плутъ вдоль сены. Посрединѣ широкая арка, съ рѣшетчатыми желѣзными дверями. По ту сторону поротъ ходятъ двое часовыхъ и Матео. Въ глубинѣ зданія Болонія.
Ночь; въ поротахъ виситъ фонарь.

ВЫХОДЪ VII.

Матео и двое часовыхъ, потомъ Пиетро
и Люція.

1-й Часовой.

Ге! братъ Джематто, спишь ты, что ли?

2-й Часовой.

Задумался!

Нѣтъ!

1-й Часовой.

О чемъ?

2-й Часовой.

Да обо псезъ!

Вотъ хоть о нашей участи. За что
Мы родились солдатами?

1-й Часовой.

Вотъ вздоръ!

Мы сдѣлались, не родились ими!
Но нашей волѣ выбрали мы знанье.

2-й Часовой.

Вотъ то-то не по нашей. Бѣдность, братъ,
Да горе аллебарду въ руки дали, —
А бсезъ того не влялся бъ за нее.

1-й Часовой.

Ужъ будто плохо такъ житье солдата?

2-й Часовой.

Да нечего сказать — не хорошо!
Все знатынымъ! Имъ и почести и деньги,
Роскошный столъ и пышныя одежды,
И молодыхъ синьоръ улыбки. Даже
О нихъ всѣхъ больше молятся въ церкпахъ.
А пажь — труды, опасности и холодъ
И голодъ и истасканный камзолъ,
Кольчуга, аллебарда, шлемъ и мечъ.
Все вправдъ дѣлать знатыне, а пажь
И локоновъ носить не позволяютъ!...

1-й Часовой.

Дураки! къ чему тебѣ они? Вельможи
Они теперь отъ бѣдъ спасаютъ насъ!
Они за насъ и бодрствуютъ и мыслятъ,
Безъ нихъ давно бы въ смутахъ и раздорахъ
Погибъ нашъ городъ. Братъ, Джематто, вѣрь,
Что бремя государственныхъ трудовъ
Кольчугъ и аллебарды тяжелѣе!

МАТТЕО.

Эй! что вы разболтались тамъ? Смотрите!
Сюда подходитъ кто-то....

1-й Часовой.

Кто идетъ!

(Петро и Люція подходятъ къ воротамъ съ той стороны).

ПИЕТРО.

Я, Петро д'Аривелли, и со мною
Пажъ Люціо.

МАТТЕО.

Вы изъ двorca? Куда же?

ПИЕТРО.

Есть въ загородной виллѣ дѣло намъ.

МАТТЕО.

Что, маскарадъ ужъ кончился, конечно,
У Энцио?

ПИЕТРО.

Овъ только начался,
Но мы должны его оставить былии
По порученью короля!

МАТТЕО.

У васъ.

Есть позволенье письменнос?

ПИЕТРО (подавалъ ему
свертокъ бума-
гамъ).

Вотъ.

МАТТЕО.

Да, все какъ должно! Отворить ворота!
Желаю вамъ, сеньоръ, покойной ночи!..

(Петро и Люція проходятъ на авансцену въ ворота, которыя тотчасъ же
за ними затворяются).

ПИЕТРО.

Здѣсь, Люція, должны мы разлучиться!
Я къ войску поспѣшу, а ты?

Люція.

Хочу я,

Здѣсь скрывшись во хракъ, быть незримой
Свидѣтельницей той минуты страшной,
Когда его въ воротахъ останавливать.
И какъ потомъ онъ, въ двухъ шагахъ отсюда,
Свободенъ будетъ!...

ПИЕТРО.

А теперь, прощай!

Люція.

Прощай, мой добрый другъ! Благодарю!
Черезъ тебя я Энцио узнала;
Ты ввелъ меня туда, гдѣ жизнь цѣль,
Гдѣ назначенье женщины душою
Я поняла; гдѣ счастлива была!

ПИЕТРО.

И я тебѣ быть долженъ благодаренъ!
Ты чистою, возвышенной любовью
Жизнь грустную украсила его,
Угасшую надежду воскресила,
Бѣжать уговорила короля! —
О Люція — ты Ангелъ!

Люція.

Нѣтъ, мой другъ,
Я женщина! Цѣль женщины — любовь!
Миръ женщины — любовь! Вся жизнь ея —
Одна любовь!... Она сама — любовь!...

ПИЕТРО.

Но мнѣ пора! прости же!

Люція.

Петро, другъ!...

Теперь любовь оставила его,
Такъ дни его пусть дружба усаждаетъ.
Я Энцио тебѣ препоручаю!...
Ты охраняй отъ бѣдствій короля,
Смотри за нимъ какъ мать, слѣди какъ тѣнь,
Храни — какъ Богъ, люби какъ я!... Прощай..

ПИЕТРО.

Прощай!

(Уходитъ, Люція подаетъ на кольни).

Люція.

Мой Богъ, услышь же ты теперь
Молитву сироты!... Спаси его!...
Покрой твоимъ крыломъ, и ослепленье
Ты на праговъ недремлющихъ пошли!
Ты за его свободу, жизнь мою
Возьми. Творецъ!... Къ чему мнѣ жизнь?... А онъ
Для счастья своей отчизны нуженъ,
Для подданныхъ! Не отвергай меня!
Спаси его! Я больше ни о чемъ
Просить тебя не буду въ этой жизни,
Въ несчастіяхъ, въ страданьяхъ — ни о чемъ
И ни о чемъ въ минуту самой смерти!
Идутъ!.. Творецъ! Молитесь за меня
Вы, Ангелы святые!...

(Падаеть на землю.)

*(Въ глубинѣ показывается погребальное
шестьіе. Впереди Филиппо, за нимъ че-
тыре могильщика несутъ гробъ; за гробомъ
идеть Рейнеро.)*

ВЫХОДЪ 8-й.

Филиппо, Рейнеро, Могильщики, Энцио
(въ гробу).

1-й Часовой.

Кто идетъ?...

Филиппо.

Нѣтъ! не идетъ, товарищ! противъ воли
Несутъ теперь въ послѣднее жилище
Того, кто былъ когда-то человѣкъ.

Маттео.

Филиппо! Это ты. Зачѣмъ такъ поздно
Ты мертвого хоронишь?

Филиппо.

Поздно? Нѣтъ!

Когда бы вы у жертваго спросили —
Онъ пѣрно бы отвѣчалъ вамъ: очень рано!...
Вотъ наше позволеніе, синьоръ.

*(Подаетъ свитокъ).*Маттео *(читал).*

Какъ! и синьоръ Рейнеро самъ за гробомъ
Пажа идетъ! Какая честь ему!
Но это право странно!

Филиппо.

Пажъ Уберто
Когда-то спасъ въ сраженъ жизнь синьору,
И былъ скорѣе другомъ, чѣмъ пажемъ.

Маттео.

Все такъ! Но здѣсь написано: умершій
Былъ пажъ Уберто Ламбертаци.

Филиппо.

Да!

Такъ точно! Короля любимый пажъ.

Маттео.

Но кто же мнѣ поручится, что онъ,
А не другой лежитъ здѣсь въ гробѣ!

Люція *(которая въ са-
момъ углу аван-
сены слѣдила
за происходя-
щимъ)*

Боже!...

Филиппо.

Что вы синьоръ! я право удивляюсь.
Какая мысль вамъ въ голову пришла!
Не знаю, изъ живыхъ кто согласится
Здѣсь мѣстою помѣняться съ мертвецомъ,
Изъ дружбы вѣсто друга умереть?
Ужъ сколько лѣтъ знакомъ я съ мертвецами,
Но никогда подобнаго притѣра
Не удавалось видѣть мнѣ!...

Маттео.

Все такъ!

Но мнѣ бы нужно было получить
Для мертваго такое жъ позволенье,
Подестою подписанное.

Филиппо.

Что вы?

Познуйте! ужель безъ позволенья
И умереть въ Болоніи нельзя?
Немного же охотниковъ найдутся
Выпрашивать такія позволенья!...
Но вы, синьоръ, и такъ пажъ задержали,
А пажъ пора.... Повѣрьте, бѣдникъ
Покой давно ужъ нуженъ!

Маттео.

Такъ и быть!

Я на себя беру все!... Отворите!
(Солдаты отворяютъ ворота.)

Люция.

Гремятъ ключи... скривить затворъ желѣзный!
Снободень онъ, благодарю, Творецъ!...

1-й Часовой *(въ то время, когда гробъ проносятъ мимо него)*.

Э! другъ Филиппо! гробъ-то плохо запертъ!
Смотри-ка — локонъ виднѣнъ изъ подъ крыши!...

Люция.

Весильный!...

Маттео.

Локонъ?... гдѣ? что это значитъ?

Стой!

Филиппо.

Что такое?... Локонъ!... Въ темнотѣ
Забыли мы припрятать, вотъ и все!
Ступайте! Мы поправимъ послѣ!...

Маттео.

Стой!

Поставьте гробъ на землю!

Люция.

Боже правый!

Ужель не слышалъ ты моей молитвы?

Маттео.

На землю гробъ! я говорю вамъ!...

(Гробъ опускаютъ).

Филиппо.

Но...

Маттео.

Молчать!... Подайте факелы!... я хочу
Самъ посмотреть!...

Филиппо.

Что вы хотите дѣлать?...

(Нѣсколько солдатъ выходятъ съ факелами, одинъ свѣтитъ Маттео).

Маттео.

Да, точно!... локонъ. Локонъ у пажа,
Когда запрещено носить ихъ!...

Люция.

Боже!

Маттео.

Когда ихъ пажъ покойный не носилъ!

Его мы знали всѣ... Вотъ это странно!
Я на пажъ хочу послѣдній разъ
Еще взглянуть! Снимите крышу съ гроба!...

Люция.

Вотъ онъ! вотъ локонъ тотъ! Да жизнь моя
Отъ одного лишь локона зависить!...
Я погубила Энцио... Творецъ!...
Слабѣютъ силы... Энцио! Прости мнѣ!

(Падаетъ безъ чувствъ).

Маттео.

Что жъ вы стоите? Развѣ не слышали,
Что я вамъ приказалъ? Снимите крышу.

Рейнгеро.

Какое право ты имѣешь?...

Маттео.

Дерзкій!

Кто далъ тебѣ здѣсь право говорить?

Филиппо.

Но мертвыхъ сонъ священнымъ долженъ быть.

Маттео.

Да, мертвыхъ сонъ, — а не живыхъ!...

Филиппо.

Живыхъ!

Что вы сказать хотите?

Маттео.

Здѣсь живой,

А не мертвецъ лежитъ!... Долой же крышу.
Не то се вслю я разломать!...

Филиппо.

О! небо! что я слышу?... святотатство?
Друзья мои, онъ святотатецъ!...

Маттео.

Прочь!

(Солдатамъ).

Ломайте гробъ!

Филиппо.

И вы рѣшитесь тоже?

А громъ небесъ!...

(Солдаты остаются неподвижны).

Могильщики.

Мы не позволимъ... нѣтъ!...

Маттео.

Бунтовщики!... Я самъ зову нѣсь городъ,

Я замысль открою.

(Бросается къ колоколу и бьетъ въ набатъ).

Филиппо.

Все погибло!...

Рейнеро.

Сюда идетъ Подеста!...

ВЫХОДЪ 9-й

Угоне, и стража съ факелами.

Угоне.

Что за шумъ?

Кто былъ въ набатъ?

Маттео.

Я!

Угоне.

Для чего?

Маттео.

Здѣсь во гробѣ

По ихъ словамъ пажъ короля лежитъ,
По я увѣренъ, что живой въ немъ спрятанъ!
Пажи не посылать локоновъ, а воть
Однѣмъ нести въ гроба...!

Угоне.

Это правда!

Я видѣть самъ хочу. Откройте гробъ!

Филиппо.

Но нашъ обычай!...

Угоне.

Что мнѣ вашъ обычай!...

Рейнеро.

Но это невозможно!

Угоне.

Невозможно?

Боловинъ Подсетъ невозможно?...
Сейчасъ же крышу вы должны сорвать.

(Солдаты дѣлаютъ движеніе).

Филиппо.

Такъ пусть же тотъ ко гробу прикоснется,
Кто не боится страшнаго суда,
Кто хочетъ, чтобы въ тихій поччасъ

Мертвецъ къ нему ливался въ могилы

И въ страшномъ святотатствѣ упрекалъ....

(Всѣ отступаютъ).

Угоне.

Глуши и трусы! Неужели я
Самъ буду должсъ.

(Хочетъ подойти).

Рейнеро *(выхватываетъ
мечъ у часоваго).*

Ты упрешь на мѣстѣ!

Лишь шагъ еще!...

Угоне.

Схватить бунтовщика!

Рейнеро.

Я дорого продамъ вамъ жпзнь мою!

Угоне.

Безумецъ! посмотри вокругъ себя,
Ты здѣсь одинъ! Ты не спасешь того,
Кто можетъ отиратить кровопролитье,
Отъ смерти кто тебя избавить можетъ,
И кто боится показаться намъ!

Энцио *(брасывая крыш-
ку гроба и подни-
маясь).*

Боится?... Васъ боится Королю!

Всѣ.

Король!

Энцио.

Ну, чтожъ? скорѣй несите цѣпи!
Копайте мнѣ могилу въ подземельѣ,
Изобрѣтайте пытки для меня,
И пойте благодарственные гимны
Творцу въ церквахъ!

Рейнеро *(бросаясь къ
ногамъ его).*

Король мой, Государь!

Энцио.

Рейнеро!... другъ!... Ты за меня готовъ былъ
Погибнуть... Благодарю тебѣ!
Ты, все равно, теперь со мной погибнешь.
Не сожалѣй напрасно обо мнѣ,
Судьба мнѣ изышла — но печалью
Ты радости враговъ не умножай.
Смотри, какъ все они теперь довольны,
Какъ счастливы! И вѣдъ боится ихъ?
Гдѣ цѣпи те, подъ тяжестью которыхъ

Ослабла бы могучая рука,
 Державшая когда-то тяжкий скипетръ?
 Гдѣ та тюрьма, въ которой бы король
 Казался только пльнникомъ простымъ?
 Гдѣ пытки тѣ, которыя бь могли
 Ослабить духъ, величіе унижить,
 Изъ короля лишь человека сдѣлать?
 Я и въ цѣпяхъ все буду страшень вамъ!
 И пльнникомъ все выше насъ я буду!...

УГОНЕ.

Мы гордость усиримъ твою! Скорѣе
 Схватите вы сообщниковъ его!
 Судить его мы завтра соберемъ,
 И приговоръ ему произнесемъ.

Филиппо.

Погибли мы!

Рейнеро.

И все намъ извѣяеть!

Энцио.

Другъ! счастья Гегенштауфены не знаютъ!
 Снокоши я въ несчастіи моёмъ!

Рейнеро.

Но если смерть...

Энцио.

Уиру я — Королемъ!...

(Уходитъ со стражею).

(Завѣса опускается).

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ТЮРЬМА И КОРОНА.

Огромная комната съ высокими сводами. Въ глубинѣ дверь, обитая желѣзомъ. Направо окно съ желѣзною рѣшеткою. Налѣво маленькая дверь. Посрединѣ спускъ въ подземелье, огражденный рѣшеткою и закрытый плитою.

ВЫХОДЪ 1-й.

Ламберто, потомъ Маттео и стража.

Ламберто (у маленькихъ
 дверей говоритъ
 въ кулису).

Я, общалъ, и этого довольно —
 Надѣйтесь на меня! Я человекъ,
 Хоть и тюремщикъ. Сердце у меня
 Доступно состраданью! Успокойтесь!...
 Ну, все готово!... Я помогу чѣмъ могу,
 Присяги не нарушю, противъ чести
 И совѣсти не поступаю тоже.
 Хоть я и Гвельфъ, Болонель и тюремщикъ,
 Но все же жаль мнѣ Энцио, а тутъ

Къ тому жъ еще и просьбы, слезы, деньги —
 Какъ устоять?

Маттео (входя).

Ламберто!

Ламберто.

Кто тамъ?

Маттео.

Я!

Пришелъ узнать готовъ ли темница?

Ламберто.

Давно!

Кв. XXII.—4

МАТТЕО.

Сейчасъ преступника введутъ!

ЛАМБЕРТО.

Преступника? а чѣмъ же онъ преступникъ?
Хотѣлъ бѣжать? Да на его бы вѣсть
И всякій то же сдѣлалъ.... Намъ Король
Не можетъ быть опасенъ!

МАТТЕО.

Какъ не можетъ?

Ты знаешь ли, что городъ осадили
Самъ Галеотти съ войскомъ.

ЛАМБЕРТО.

Ну, такъ что же?

Или не крѣпки стѣны наши? Мы
За ними можемъ выдержать осаду.

МАТТЕО.

Да, стѣны крѣпки, только духомъ слабы
Здѣсь многіе изъ жителей. Измена
Намъ угрожаетъ. Много есть межъ нами
Присерженцевъ, друзей у Короля.
Они кричатъ, что съ пльиникомъ державнымъ
Болоніи советъ безчеловѣчно
Обходится. А чѣмъ безчеловѣчно?
Онъ большинствомъ былъ осужденъ на смерть,
Но приговоръ ему перемѣнили....

ЛАМБЕРТО.

И осудили запереть въ темницу,
Сырую и холодную, куда
Свѣтъ солнечный не будетъ доходить.

МАТТЕО.

Советъ ему служителя позволилъ
Пить; конечно, отказались все —
Кому охота въ этой срадной ямѣ
Жизнь проводить съ развѣнчаннымъ влады-
кой?
Но въ этомъ ужъ Советъ не виноватъ.

ЛАМБЕРТО.

За этии-то вы цѣлые три дня
Его судили?...

МАТТЕО.

Медленность намъ можетъ
Опасна быть. Онъ ничего не знаетъ,
Но Галеотти городу грозятъ.

Мы приняли все мѣры къ оборонѣ...
Какъ знать, кто побѣдитъ!..

ЛАМБЕРТО.

А тотъ, кто правъ,

МАТТЕО.

Вотъ и Король.

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣ же и Энцио, со стражей.

МАТТЕО.

Сюда!... тюремщикъ вамъ

Покажетъ въ подземелье спускъ Ламберто,
Ты принесешь извѣстіе въ Советъ,
Когда въ спую онъ спустится темницу.
Я стражу уведу (*Тихо Маттео*). Она нужна
На городской стѣнѣ. Смотри жъ, ни слова!
Нашъ пльиникъ ни о чемъ не долженъ знать.
(*Уходитъ со стражей. Дверь въ глубинѣ
запирается.*)

Энцио.

Спускъ... подземелье: что онъ говоритъ?

МАТТЕО.

Все правда! Вамъ назначено жилище
Далеко не роскошное теперь.
Вотъ здѣсь когда-то былъ колодезь. Въ немъ
Вода пропала, такъ на дѣй его
Устроили темницу....

Энцио.

Понимаю!

Паниченную гадами, куда
Бросали вы разбойниковъ, злодѣевъ,
И гдѣ я долженъ буду умереть,
Безъ воздуха, средь жабы и скорпионовъ?

ЛАМБЕРТО.

Ничего! вы меня не поняли. Нашъ замокъ
Построенъ на горѣ. Колодезь былъ
Въ скалѣ изъясъ пль, и его потомъ
Распространили. Тамъ, на самомъ дѣлѣ,
Двѣ комнаты; въ вѣ нихъ найдете все,
Что только нужно въ жизни: столъ, скамейки,
Постель и всю домашнюю посуду.

Вамъ стоитъ на плечу лишь стать, и дернуть
Кольцо — и вы опуститесь тотчасъ.
Конечно, воздухъ сыръ тамъ и прохладенъ,
Но каждый день я самъ отсюда буду
Вамъ плечу опускать, не Королевский,
Не пышный столикъ, но крайней мѣртъ, сытный.
Туда внесемъ мы ваши книги, пѣсни:
И лютню, и цвѣты.

Энцио.

Благодарю!

Ламберто.

Мнѣ одного лишь жаль, что солнца вы
И свѣта не увидите ужъ больше.

Энцио.

Да! это жаль.

Ламберто.

Но вотъ еще что хуже,
Вы воздухомъ сырѣмъ должны дышать
Въ тюрьмѣ своей...

Энцио.

Да! это точно хуже!...

Но если бы измученный страданьемъ
Я изнемогъ подъ бременемъ болѣзни,
Ужели и тогда, и передъ смертью
На Божій свѣтъ взглянуть мнѣ не позволятъ,
И воздухомъ минуту подышать.

Ламберто (въ смущеніи).

На этотъ случай... что мнѣ вамъ сказать?...
Не получили еще я приказаній.

Энцио.

Я понимаю! Умертвить меня
Боялся онъ, но чѣмъ скорѣе
Ихъ отъ меня избавятъ смерть, тѣмъ лучше!
Да, милосердъ Советъ нашъ, признаюсь!...
Отнять отъ жизни не смѣлъ у Короля
Однимъ ударомъ. Голосъ всей все ея
Заговорилъ бы противъ ихъ тогда, —
Но жизнь мою онъ будетъ отнимать
По каплѣ, убивая по немногу —
И это милосердіемъ зовутъ!
О! Энцио! къ чему твои укоры?
Кто жалобы твои услышитъ здѣсь,
Кто о тебѣ, какъ прежде, пожалѣтъ?..
Друзья мои на казни осуждены,
На площади ихъ завтра обезглавятъ.
О! какъ я пивъ завидую... Была

Одна любовь у Энцио, одна —
Его любила женщина, и та
Покинула забытаго страдальца!
Скорѣй! туда, въ могилу, гдѣ на пѣкѣ
Съ надеждами земными я прошуся!..
(Идетъ къ подземелью, но проходя мимо
окна, останавливается).

Прощай, ты, ясный день, ты, солища свѣтъ!
Ты, чистый воздухъ! Ваши человекъ
Не дорожить, насъ не считаетъ благомъ,
Высокимъ благомъ въ жизни! А теперь
За насъ бы далъ несметныя богатства,
За насъ бы далъ я царство и вѣнцы!..
Прости же, ты, прекрасная природа,
Прости, ты, ясный мѣръ, ты, Божій мѣръ.

(Хочетъ спуститься).

Ламберто.

Позвольте мнѣ еще сказать вамъ слово:
Служитель нуженъ будетъ намъ въ темницѣ,
Советъ его имѣть позволятъ, только
Изъ нашихъ слухъ рѣшиться онъ одвѣтъ
Не могъ за вами слѣдовать.

Энцио.

И я

Не въ правѣ даже требовать отъ нихъ
Такой ужасной жертвы. Кто захочетъ
Здѣсь заживо со мною лечь въ могилу,
Отъ свѣта и отъ жизни отказаться?
Отъ жизни — да! Въ моей темницѣ душой
Я жить не буду — этоль жизнь... въ гробу,
Безъ радости, безъ чувствъ и безъ надежды,
Съ желаньями убитыми судьбою,
И съ пустотою сердца и души!
Жизнь есть сосудъ — чѣмъ онъ полнѣй, тѣмъ
легче

Пестить его, когда онъ опустѣетъ —
Подъ тяжестью его согнется великій.
Какъ я теперь!..

Ламберто.

Но я нашелъ его,
Служителя, который согласился
Послѣдовать за нами въ подземелье!

Энцио.

Какъ? пеужели? Кто же онъ?..

Ламберто.

Бѣднякъ
И круглый сирота. Но жить трудами
Не можетъ! слишкомъ слабъ и вѣженъ онъ,

А въ праздности не хочеть жить, съ охотой
Служить овъ согласился ваиъ!

Энцио.

Но я

Не соглашусь! Мрачную темницу
И эту жизнь я только съ вѣрнымъ другомъ,
Съ надежднымъ разделить бы могъ.

Ламберто.

Но овъ

Объ этомъ просить самъ!...

Энцио.

Я не могу.

Не долженъ согласиться!...

Ламберто.

Такъ позвольте

Ему увидать васъ, по крайней мѣрѣ,
Онъ такъ меня просилъ. Вы бедняка
За предложенье, за его усердье
Хоть ласковой улыбкой наградите...
Онъ такъ привязанъ къ вамъ!

Энцио.

Да! благодарность

Я долженъ принести ему за это.
Введи его.

Ламберто.

Просту насъ, осторожнѣй!...

Я это только дѣлаю для васъ,
И васъ оставлю съ нимъ.

(Уходитъ).

Энцио.

Что это значить?

ВЫХОДЪ 3-й.

Люція *(выходитъ изъ
дверей на льво,
въ бѣдномъ мужис-
скомъ платьѣ).*

Энцио.

О! Люція!

Люція.

Мой Энцио!

(Бросаются другъ къ другу въ объятія).

Энцио.

Тиорепъ!

Гдѣ взять мнѣ словъ, въ нихъ чувства пере-
леть!

Скажи мнѣ, ангелъ милый, что здѣсь сонъ:
Мои страданья, или свиданье наше?

Люція.

Ты думалъ, что тебя покину я,
Что не прійду увидѣться съ тобою?
Скажи же мнѣ: ужели для любви
Затворы и темницы существуютъ?

Энцио.

Прости меня! я обинилъ тебя!
Стыжусь признаться: я тебя не зналъ!
Да, Люція, и если бъ вѣкъ съ тобою
Мнѣ было суждено прожить, въ тебѣ;
Я каждый день повышенныя чувства
И новыя навѣрно бѣ открывалъ.

Люція.

О! я похвалъ твоихъ не стою! Я
Причиною гибели твоей.
Осыпъ меня упреками, карай,
Тебя я погубила!

Энцио.

Что съ тобою?

Ты счастье мнѣ и радость принесла,
Уснувшія надежды разбудила,
Ты бодрость духа возвратила мнѣ,
Напомнила о дняхъ прошедшей славы,
Слетѣла чистымъ ангеломъ въ пустыню,
Вотъ все, что знаю я!...

Люція.

А этотъ локонь,

Онъ погубилъ тебя! Не я ль просила
Его въ залогъ послѣдняго свиданья?
Не я ль монимъ прощаньемъ безконечнымъ
Заставила тебя забыть опасность,
И въ гробъ ты легъ востышно, и снаружи
Остался локонь. Я тогда сказала:
Отъ локона вся жизнь моя зависить!
Сбылись они, безумныя слова!

Энцио.

Ужели радость этого свиданья

Пустымъ воспоминаемъ отравить
Ты хочешь?...

Люція.

Я должна объ этомъ думать!
И мысль, что проклинаешь ты меня!...

Энцио.

О, Люція!... Любовь не проклинаешь!...
Вонзи кинжалъ мнѣ въ сердце, не убійство
То будетъ, если съблаетъ любовь!
Предай меня на жертву алчавымъ,
То будетъ не предательство, не низость,
Когда лишь это съблаетъ любовь.
Любовь прощаетъ все, но не измену,
А отъ нее мы оба далеки!

Люція.

Я знала! Ты простишь меня теперь,
Но послѣ... будутъ дни тоски и скуки,
Тяжелые, когда ты будешь звать
На помощь смерть, и смерть съ насмѣшкой
зною

Мольбы твои отвергнешь! Въ эти дни
Ты вспомишь обо мнѣ, и въ грусти скажешь:
Я бѣ безъ нее теперь свободенъ былъ!

Энцио.

О никогда! клянусь!

Люція.

Не клянись!...
А докажи, что ты меня простишь!...

Энцио.

Все, что ты хочешь!...

Люція.

Помнишь, ты недавно
Мнѣ свой престолъ и руку предлагалъ,
Тогда еще надежду ты имѣлъ
И царство, и вѣнецъ свой возвратить;
Я Королевой не хотѣла быть,
Но быть теперь хочу твоей супругой!

Энцио.

О, Люція!...

Люція.

Растанися съ тобой
Я именемъ твоимъ защищена
Отъ искушеній свѣта буду вѣчно,

Я имъ гордиться буду, и съ собой
Возьму его въ монашескую келью,
И вспоминая, что я твой супруга,
Всѣ радости надменно отомкну,
Всѣ горести мгновенно позабуду!

Энцио.

Когда ты хочешь!...

Люція.

Здѣсь готово все!
Тюремщикъ мной подкупленъ, и монахъ
Насъ въ комнату сосѣдней ожидаетъ.
Онъ обвиняетъ насъ, и мы потомъ
Разставемся. (Отворяя дверь.) Ламберто!

ВЫХОДЪ IV.

ТѢ ЖЕ И ЛАМБЕРТО.

ЛАМБЕРТО.

Я васъ жду!...

Энцио.

Не сонъ ли это?... Ты сама моею
Супругой хочешь быть!

Люція.

Ты къ алтарю
Теперь вести свою невѣсту можешь!...
(Подаетъ ему руку.)

Энцио.

Тебѣ я повинуюсь! ты знаешь!
Не долго мнѣ съ тобою вмѣстѣ быть!...
Она близка, ужасная минута!...
Пойдемъ! пойдемъ! тебя къ моей груди
Супругою прижать мнѣ легче будетъ!

(Уходятъ.)

ЛАМБЕРТО.

Уши!... У нихъ зовутъ любовью это!...
Но мнѣ такъ это чистая горячка!...
Охотою въ темницу запереться,
На цѣлый вѣкъ отъ свѣта отказаться!...
Я въ томъ увѣренъ: ровно черезъ мѣсяць,
А много черезъ два, они другъ другу
Надоблать!... Но, только какъ угодно,
Оттуда ужъ не выбраться никакъ;
Туда еще пожалуй!... Но осада
Меня однако сильно беспокоитъ;
Я слышалъ страшный гулъ и трескъ тарановъ!..

Чѣмъ копчится все это?... Итъ извѣстля!
 Веѣ на стѣвахъ!... а мнѣ какое дѣло!
 Пусть вломятся въ нашъ городъ. Короля
 Мнѣ очень жаль. Я, право, буду радъ,
 Когда его освободитъ ушеньють...
 Но, кажется, окончилось вѣнчанье.
 Да! такъ и есть... Онъ ихъ благословилъ,
 Они встають съ колѣнъ, идутъ сюда!...
 Такъ стало быть мнѣ ихъ оставить можно!...
 Не надобно пѣшать восторгамъ ихъ.

*(Пропускаетъ въ дверь Энцио и Люцію,
 потомъ выходитъ и запираетъ за ними
 дверь. Энцио и Люція входятъ, объяв-
 шись).*

Энцио.

Мой другъ! твое исполнилось желанье,
 И я теперь съ тобой соединенъ!

Люція.

Къ чему же этотъ грустный вздохъ? Ужели
 Тебя нашъ бракъ не радуешь?

Энцио.

О, итъ,

Но вспомнивъ, какъ мигъ счастья будетъ кра-
 токъ,
 И какъ близка разлука...

Люція.

Для чего же
 Теперь намъ разлучаться? Укажи
 Мнѣ путь къ твоей могилѣ, мой супругъ,
 И имѣеть мы сойдемъ въ пещ. Съ тобою
 У алтаря клясаея я все дѣлать!

Энцио.

Какъ? этотъ бракъ?...

(вѣщаетъ) Люція.

Быль заключенъ съ той цѣлью,
 Чтобы тебя принудить взять меня
 Съ собой въ твое ужасное жилище,
 Ты безъ того отвергнулъ бы меня!...

Энцио.

О Боже! если ея я обмануть,
 Такъ гдѣ же правда въ мирѣ?

Люція.

Ты простишь,
 Да, ты простишь мнѣ эту хитрость?... Я

Теперь тебя покинуть не могу!
 Ты покинешь ли что намъ сказалъ святитель
 Предъ алтаремъ: что Богъ сосащилъ,
 Того здѣсь челоуѣкъ не разлучаетъ!...
 Тебѣ служитель пуженъ былъ въ темнищѣ,
 Возьми меня, возьми твою супругу,
 Она тебѣ служить усерднѣй будетъ,
 А силы ей любовь придастъ!...

Энцио.

Творецъ!

Итъ, это невозможно!... какъ? Тебя
 Лишить всего: природы, свѣта, счастья,
 Съ собою взять въ мой гробъ... Итъ! нико-
 гда!...

Люція.

Мнѣ отказать ты прапа не имѣешь.
 Ты жизнь клясаея со мною разделять!

Энцио.

Жизнь, но не смерть, не мрачную могилу,
 Ее не веѣ супруги разделяють;
 Любовь надъ мертвыми власти не имѣеть,
 А для людей, для міра — умеръ я.
 Свободна ты!... И изъ моей темницы
 Холоднымъ трупомъ только выйду я!

Люція.

Но я хочу дѣлать твои страданья.

Энцио.

Во гр бѣ всемъ страданьямъ конецъ!

Люція.

Позволь мнѣ близъ тебя, изъ состраданья,
 Хотя умереть — вотъ все мои желанья.

Энцио.

Могилую не дѣлится мертвецъ!

Люція *(падаетъ на колѣ-
 ни).*

О! Энцио, смотри, перель тобою,
 Какъ предъ Творцемъ, я падаю во прахъ!...
 Молю тебя: возьми меня съ собою!...
 Ты видишь ли, я все въ тоскѣ, въ слезахъ!
 Я жизнь влачить безъ Энцио не въ силахъ,
 И пусть меня проститъ Творецъ святой,
 Но если въ разныхъ мы успемъ могиллахъ,
 То я и тамъ не свижуся съ тобой!
 Что безъ тебя мнѣ жизнь? печаль да слезы —
 И жизни цѣль сама я разорву!
 И это, вѣрь, не тщетныя угрозы —
 Я безъ тебя и дня не проживу!

Энцио (*поднимал ее*).

О, Люция! подумай! пѣ той могилѣ
 Всю жизнь свою ты будешь тосковать.
 Одинъ снести печаль найду я силы,
 Но за тебя я буду самъ страдать!
 Память тяжелыхъ мученья будутъ вдвое!
 И мысль одна, что я тому виновнъ,
 Что я тебя рѣшился взятъ съ собою,
 Убьетъ мое терпѣнье и покой!

Люция.

Нѣтъ, ты не правъ! Несчастье легче вдвое,
 Когда двоихъ вдругъ поразитъ оно;
 Дѣлится печаль отрадно. Наязъ судьбою
 И пѣ горь утѣшеніе дано!
 Къ тому жъ вдвоемъ о чемъ грустить мы бу-
 демъ?

И будто мнѣ такъ дорогъ намъ и мнѣ?
 И будто мы о немъ не позабудемъ,
 Когда онъ самъ о насъ давно забылъ!

Энцио.

Ты не увидишь вѣкъ въ теницѣ душной
 Лица людей.

Люция.

Но что мнѣ до людей!
 Я ко всему на свѣтѣ равнодушна;
 Что мнѣ весь мнръ! Ты мнѣ ихъ всѣхъ милѣй!

Энцио.

Тамъ солнца внонь твой жадный взоръ не встрѣ-
 тить,
 Отъ холода твоя застынетъ кровь.

Люция.

Въ твоихъ глазахъ не солнце ль счастья свѣ-
 тить?
 Не жарче ли его твоя любовь?

Энцио.

Но вспомни ты небесъ далекихъ своды,
 Красу полей, синѣющей вѣснь?

Люция.

Но для меня ты лучше всей природы —
 Въ твоей любви найду я новый мнръ!

Энцио.

Тебя обхватитъ мрачная теница....
 Ты Божій мнръ и жизнь не покидай.

Люция.

Мнѣ безъ тебя прекрасный мнръ — гробница!...
 Съ тобой могила будетъ рай,
 Молчи! Молчи! Ты все сказала, я знаю!...
 Но чувства тѣ жъ въ дунѣ моей храня,
 Смотри, я вновь во прахѣ умоляю!

Ужель еще отвергнешь ты меня?

(Падаетъ къ ногамъ его).

Энцио (*поднимаетъ ее
 и прижимаетъ
 къ груди*).

Судьба! Судьба! Какъ ты добра ко мнѣ!
 За жизнь тоски при гробѣ заплатила
 Ты этии минутами вполнѣ!...

Ко мнѣ на грудь, на грудь, моя подруга,
 О, что мнѣ мнръ, и небо, и земля!

(Подводя ее къ подземелью).

Вотъ мой дворецъ! прекрасная супруга,
 Передъ тобой все царство короля.

(Становится съ нею на плиту).

Могилою зовутъ владыше это!
 И насъ она сокроетъ отъ людей.

Люция.

Въ могилѣ мы умремъ на вѣкъ для свѣта,
 Но для любви воскреснемъ снова въ ней!...
*(Энцио дергаетъ кольцо. Они тихо опу-
 скаются. За сценой раздается глухой
 шумъ)*.

ВЫХОДЪ 5-й.

УГОНЕ и МАТТЕО (*выбѣгаютъ изъ глав-
 ныхъ дверей*).

МАТТЕО.

Сюда! Враги еще далеко! насъ
 Найдутъ не скоро!

УГОНЕ.

Все погибло!

МАТТЕО.

Да!

Сардинцы ворвались въ городъ! Мишель,
 Подеста, мишель Энцио!

УГОНЕ.

Но какъ?...

МАТТЕО.

Враги не знаютъ гдѣ его теница,
 И мы еще успѣемъ отомстить —

УГОНЕ.

Ты правъ! Насъ ожидаетъ смерть — такъ лучше
 Умремъ мы вмѣстѣ съ нимъ!... Они хотятъ
 Освободить его, такъ пусть же здѣсь
 Одинъ холодный трупъ они найдутъ!

МАТТЕО (*подходя къ
 подземелью*).

Онъ тамъ!... Что дѣлать?

УГОНЕ.

Завалить колодезь —

Отверстіе его не широко!
Пусть тамъ умретъ голодной смертью онъ,
Покажется не найдутъ его!...

МАТТЕО.

Какъ можно?

На это нужно время — а у насъ
Его не много! Чѣмъ завалимъ мы?
Другое нужно средство.

УГОНЕ.

Погоди!...

Есть у тебя кинжалъ?...

МАТТЕО.

Съ нимъ никогда

Не различаюся я!...

УГОНЕ.

Въ колодезь можно

Спуститься?

МАТТЕО.

Да! кольцо лишь стоитъ дернуть—
И вверху плита подымется опять!

УГОНЕ.

Но если самъ онъ станетъ на нее?

МАТТЕО.

Его не вижу я! Къ тому же онъ
Теперь не ожидаетъ посѣщенія.
(Держаетъ кольцо, плита подымается).

УГОНЕ.

Ты понялъ ли мой планъ?

МАТТЕО (обнажая кинжалъ).

Спокоенъ будь!

Я отомщу теперь за насъ обоихъ!
(Становится на плиту).

Ты здѣсь останься! Только, ради Бога,
Смотри же, чтобъ случайно, или нарочно
Веревку эту кто не перерѣзалъ,
Тогда назадъ нельзя вернуться будетъ,
И долженъ буду тамъ остаться я!...
Но Энцио, надеюсь, безоруженъ?

УГОНЕ.

Да, и одинъ!... Чего бояться тутъ?

МАТТЕО.

Чтобъ ни было, врагамъ не открывай,
Что здѣсь онъ скрытъ.

УГОНЕ.

Клянуся!

МАТТЕО.

До свиданья.
(Опускается).

УГОНЕ.

Успѣеть ли Маттео?... Шумъ все ближе!...
О какъ я буду радъ имъ отомстить!...
Какъ буду я смеяться надъ врагами!...
Идуть, но если я останусь здѣсь,
Надъ этимъ подземельемъ — я могу
Подать имъ подозрѣнье.... Эта дверь!...
Но кто жъ на верхъ Маттео вновь подниметь?
О! пусть онъ погибаетъ, лишь бы только
И Энцио погибъ съ нимъ за одно.
(Бѣжитъ въ маленькую дверь направо,
и черезъ минуту вытаскиваетъ оттуда
Ламберто).

ВЫХОДЪ 6-й.

ЛАМБЕРТО, ПОТОМЪ ГАЛЕОТТИ Д'АРЕЦ-
ЦО, РЕЙНЕРО, ПИЕТРО, ФИЛИППО И
САРДИНСКІЕ ВОЙСКА.

УГОНЕ.

Что это значить? Что ты дѣлалъ тамъ?

ЛАМБЕРТО.

Тюремщикъ я, и видя, что враги
Ворвались въ городъ, спрятался отъ нихъ,

УГОНЕ.

Но ты нашъ разговоръ съ Маттео слышалъ?

ЛАМБЕРТО.

Повѣрьте мнѣ — я вамъ не извищу!

УГОНЕ.

Ты слышалъ?

ЛАМБЕРТО.

Да! но я клянуся вамъ....

УГОНЕ.

Ты, можеть быть, и точно сдерживши клятву,
Но видишь ли: я плохо людамъ вѣрю,
И такъ, для безопасности, на случай...
(Вынимаетъ кинжалъ).

ЛАМБЕРТО (падая на ко-
льци).

Помилуйте!... вѣдь я Болонсецъ также,
Я врагъ Сардинцевъ! Что же сдѣлалъ я?...

УГОНЕ.

Все такъ!... Но я для пользы Государства
Убить тебя обязанъ.... Не валился
Въ ноги. Мнѣ время дорого.... вставай!...

ЛАМБЕРТО (*ползая у ногъ его*).

Спасите! Помогите!

(*Въ главныя двери вбѣгаютъ Галеотти, Рейнеро, Пиетро, Филиппо и Сардинцы*).

РЕЙНЕРО (*бросается на Угоне и выбиваетъ у него изъ рукъ кинжалъ*).

Стой, бездѣльникъ!

За что его убить хотѣлъ ты?

ЛАМБЕРТО.

Я

Не виновать ни въ чемъ?

ПИЕТРО.

Гдѣ нашъ король?

Гдѣ Энцио!

ФИЛИППО.

Синьоръ, теперь не время Упорствовать. Мы знаемъ что его Не силы умертвить вы!

РЕЙНЕРО.

Признавайся!

Куда его вы спрятали?

УГОНЕ.

Не знаю!

РЕЙНЕРО.

Подеста, помни: жизнь твоя зависить Отъ этого ответа!

УГОНЕ,

Я не знаю!

И не скажу!

ЛАМБЕРТО.

Такъ я скажу. Синьоры, Меня за то убить хотѣлъ злодѣй, Чтобъ не открылъ я короля темницы.

РЕЙНЕРО.

О, гдѣ онъ? говори?

ЛАМБЕРТО.

Здѣсь, въ подземельѣ!

Его туда злодѣи засадили, Но что всего ужаснѣе, изъ нихъ Одинъ сейчасъ туда спустился. Онъ Вооруженъ былъ, и ему Угоне Вселѣль убить тамъ короля.

РЕЙНЕРО.

О Боже!

Скорѣй спаси!...

ЛАМБЕРТО.

Кольцо лишь стоить дернуть И вверхъ плита подымется тотчасъ.

ПИЕТРО.

Но если вѣсто Энцио подыместъ Его убійцу только имъ?

ФИЛИППО.

Не вѣрю!

Богъ справедливъ и правый не погибнетъ! Онъ Ангела пошлетъ къ нему въ темницу, И Ангель тотъ намъ Энцио спасетъ.

(*Держаетъ кольцо, плита медленно поднимается, на ней стоитъ Энцио обнявши Люцію; въ ногахъ ихъ лежитъ трупъ Маттео; грудь Люціи перевязана его шарфомъ. Въ бросаются на кольцо*).

ВЫХОДЪ 7-й.

Энцио и Люція.

Всѣ.

Спасень! Спасень!

Энцио.

Вы здѣсь, мои друзья, Я слышала сверху ваши голоса, Но рано такъ не ждалъ увидѣть васъ!

Всѣ.

Да здравствуетъ король нашъ!

РЕЙНЕРО.

Государь,

Какимъ ты чудомъ спасся?...

Вотъ моя

Спасительница — ангель!... Мой убійца Папалъ нежданно на меня, она Меня своею грудью заслонила И приняла ударъ, который мнѣ Пазначенъ былъ; я вырвалъ у злодѣя Изъ рукъ кинжалъ, и поразилъ его, Но Люція моя... Ахъ, до сихъ поръ Я трепещу за жизнь ея!...

Люція.

Ты видишь

Я невредима!... Рана не опасна!... Но ты спасень! Что думать обо мнѣ.

РЕЙНЕРО (*обнажая мечъ, схватываетъ Угоне*).

Злодѣй! и ты рѣшился на убійство! Уми же самъ!

Филиппо.

И, лгть, свнборъ! Къ чему
Вамъ благородный мечъ марать! Спустите
Его туда, куда онъ Короля
Упряталъ самъ!...

Рейнеро.

Ты правъ! Ступай, Угоне,
И посмотри, удобно ль Королю
Тамъ было жить!

(Тащнтъ его на плиту).

Угоне.

Я не прошу пощады!

Филиппо.

Да мы и не дадимъ ее тебѣ!
Тотъ, кто поднять на короля рѣшился
Свой мечъ — тотъ святотатецъ и злодѣй,
Того простить — такое жъ преступленье!
Погибни же!

(Дергаетъ кольцо).

Угоне *(проваливаясь).*

Проклятіе!

Филиппо.

Прощай!

Рейнеро.

А чтобъ сюда не могъ онъ поротиться
Я путь ему на землю загражу!
*(Перерѣзываетъ веревку и бросаетъ кольцо
въ подземелье).*

Энцио.

Намъ снова жизнь и счастье улыбнулись!
О Люціа! Теперь ты мнѣ позволишь
Хоть чьимъ нибудь тебя вознаградить
За все, чьимъ для меня была ты въ жизни,
За все, что ты мнѣ въ жертву принесла.
Друзья! Вотъ ангелъ — Энцио. Со мной
Она темницу раздѣлить рѣшилась,
Все для меня оставила она,
Она меня къ надеждѣ приучила,
Мнѣ жизнь мою украсила, спасла
Отъ горя и отчаянья. — Теперь
Я долженъ наградить ее. Друзья!
Она со мной темницу раздѣляла,
Я раздѣлю съ ней парскай мой дворецъ:
Я пышный тронъ даю ей — за могилу,
И за любовь — Сардиніи вѣнецъ!
Все, все тебѣ, божественная дѣва! —
Друзья мои! Вотъ ваша Королева! —
*(Всѣ становятся на колѣни. Завѣса
опускается).*